

В П Е Р В Ы Е Н А Р У С С К О

У И Л К И
КОЛЛИНЗ

Мой ответ – нет

Уильям Уилки Коллинз Мой ответ – нет

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8870489

*Мой ответ – нет. Роман. / Коллинз У.: Лимбус Пресс, Издательство К. Тублина; Москва, Санкт-Петербург; 2013
ISBN 978-5-8370-0586-2*

Аннотация

Уилки Коллинз – английский писатель, снискавший широкую популярность благодаря своим знаменитым книгам «Лунный камень» и «Женщина в белом». Роман «Мой ответ – нет» впервые выходит на русском языке. Читателя ждет увлекательное путешествие в мир старой доброй Англии, – в этой истории есть место и любви, и приключениям, и детективной интриге.

Содержание

Книга первая	5
Глава I	5
Глава II	8
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	18
Глава VI	22
Глава VII	25
Глава VIII	28
Глава IX	30
Глава X	34
Глава XI	36
Книга вторая	40
Глава XII	40
Глава XIII	43
Глава XIV	46
Глава XV	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Уилки Коллинз

Мой ответ – нет

Wilkie Collins
I Say No

Перевод с английского Ильи Бояшова

www.limbuspress.ru

Книга первая В школе

Глава I Тайный ужин

Мелкий дождь падал так тихо, что его не слышно было в саду, ни один листок не шевелился; сторожевая собака спала, кошки были дома, и вдали и вблизи, под пасмурным небом, не раздавалось ни малейшего звука.

В спальне ночь была темная и тихая.

Мисс Лед знала свое дело содержательницы пансиона слишком хорошо, чтобы позволять по ночам огонь; и молодые воспитанницы мисс Лед, согласно правилам дома, должны были крепко спать. Только иногда тишина слабо нарушалась: тревожное поворачивание одной из девушек в постели обнаруживалось легким шелестом простыни.

Первый звук, говоривший о жизни и движении, издали часы, пробившие полночь.

Тихий голос нетерпеливо послышался возле двери комнаты. Он напомнил одной из девушек о том, что время проходит.

– Эмили! Двенадцать часов.

Ответа не последовало. После некоторого промежутка, голос сказал громче:

– Эмили!

Девушка, постель которой была на другом конце комнаты, вздохнула от тяжелой ночной духоты и ответила решительным тоном:

– Это Сесилия?

– Да.

– Что вам нужно?

– Я проголодалась, Эмили. Новая девушка спит?

Новая девушка ответила быстро и сердито:

– Нет, она не спит.

Пять мудрых дев первого класса мисс Лед напрасно ждали, что приезжая заснет. Смех раздался в комнате, новая девушка, раздосадовавшись и обидевшись, прямо выразила свой протест:

– Вы плохо обращаетесь со мною! Вы не доверяете мне, потому что я приезжая.

– Скажите, что мы вас не понимаем, – ответила Эмили за своих подруг, – и вы будете ближе к истине.

– А как вы можете меня понять, если я поступила сюда только сегодня? Я уже сказала вам, что меня зовут Франсина де Сор. Если вы желаете знать больше, то мне девятнадцать лет и я приехала из Вест-Индии.

– Зачем вы приехали сюда? – спросила Эмили. – Когда же так было, чтобы девушка поступала в школу как раз перед каникулами? Вы говорите, что вам девятнадцать лет? Я годом моложе вас и уже закончила свое воспитание. Вторая взрослая девушка в этой комнате годом моложе меня, и она тоже закончила свое воспитание. Чему в ваши лета осталось вам учиться?

– Всему! – вскричала приезжая из Вест-Индии. – Я бедное, невежественное существо. Ваше воспитание должно было научить вас сочувствовать мне, а не насмехаться надо мной. Я ненавижу всех вас. Вам должно быть стыдно!

Некоторые девушки засмеялись. Одна – та, которая считала удары часов, – взяла сторону Франсины.

– Не обращайтесь внимания на их смех, мисс де Сор. Вы совершенно правы.

– Благодарю вас – кто бы вы ни были, – ответила мисс де Сор отрывисто.

– Меня зовут Сесилия Вайвиль, – продолжала заступница. – Может быть, вы сделали не совсем хорошо, сказав, что ненавидите нас. В то же время мы забыли нашу благовоспитанность и нам остается только просить у вас прощения.

– Я могу сказать вам только одно, Сесилия, – вмешалась Эмили, – вы не перешеголяете меня в великодушии. Зажгите свечу кто-нибудь и взвалите вину на меня, если мисс Лед это узнает. Я намерена пожать руку новой девушке, а как могу я сделать это в темноте? Мисс де Сор, мое имя Браун, и царица в этой спальне я – а не Сесилия. О, какая хорошенькая кофта!

Зажженная свеча обнаружила Франсину, сидящую на постели в таких сокровищах настоящих кружев, что царица забыла все свое царское достоинство от восторга.

– Семь шиллингов и шесть пенсов, – заметила Эмили, смотря с презрением на свою ночную кофту.

Одна за другой воспитанницы поддались привлекательности удивительных кружев. Тоненькие и полненькие, белокурые и черноволосые, они все собрались в своих белых одеждах около новой ученицы и по общему согласию дошли до одного и того же заключения: «Как должен быть богат ее отец!»

Пока девушки любовались Франсиной, часы пробили половина первого.

Сесилия подкралась на цыпочках к двери, выглянула, прислушалась, опять затворила дверь и обратилась к собранию с непреодолимым очарованием своего нежного голоса и убедительной улыбки.

– Никто из вас еще не проголодался? – спросила она. – Учительницы в своих комнатах, с Франсиной мы все устроили. Зачем же оставлять ужин под постелью?

Такие рассуждения допускали только один ответ; царица грациозно махнула рукой и сказала:

– Выньте.

Может ли хорошенькая девушка, лицо которой вдобавок обладает очаровательным выражением, сделаться менее привлекательной, от того, что она одарена хорошим аппетитом и не стыдится сознаться в этом? Со свойственной ей грацией Сесилия нырнула под свою постель и вынула одну корзинку с тортами, другую корзинку с фруктами и сладостями, третью с шипучим лимонадом и чудесным кексом – все было куплено по подписке и спрятано в комнате по доброму потворству служанок. На этот раз пир был особенно изобилен. Имея перед собой совершенно различную перспективу, Эмили и Сесилия закончили свою школьную жизнь и теперь вступали в свет.

Контраст в характерах двух девушек выказался даже в такой безделице, как приготовления к ужину.

Кроткая Сесилия, сидя на полу и окруженная такими вкусными вещами, предоставила другим решить – сейчас ли все вынуть из корзинок или подносить их к каждой постели. А пока ее нежные голубые глазки уставились на торты, Эмили решительно перехватила бразды правления.

– Мисс де Сор, позвольте мне взглянуть на вашу руку. А! Я так и думала. У вас из всех нас самая толстая рука. Вы будете вытаскивать пробки. Если вы прольете лимонад, ни одна капля не попадет в ваше горло. Юфи, Анис, вы замечательно ленивые девушки, заставить вас работать – значит оказать вам истинное одолжение. Юфи, приготовьте место для ужина. Снимите гребни, щетки и зеркало. Анис, разорвите старую газету и положите лоскутки вместо тарелок и блюд. Нет! Я сама все выну. Никто не должен дотрагиваться до корзинок кроме меня. Присцилла, у вас самый тонкий слух. Будьте часовым, милая моя, и слушайте у дверей.

Сесилия, когда вы перестанете пожирать глазами эти торты, возьмите ножницы – мисс де Сор, позвольте мне извиниться за скаредность мисс Лед – ножи и вилки пересчитываются и запираются каждую ночь. Я говорю, возьмите ножницы, Сесилия, разрежьте этот кекс и не оставляйте себе самый большой кусок. Готовы? Очень хорошо. Теперь берите пример с меня, говорите сколько хотите, только негромко. Остается еще одно, прежде чем мы начнем. Мужчины всегда предлагают тосты в этих случаях; будем подражать мужчинам. Может, кто-нибудь из вас желает сказать речь? Ну, конечно же, по обыкновению эта привилегия падает на меня! Я предлагаю первый тост. Прочь все школы и учителей – особенно того нового, который поступил в это полугодие. О, благодарю, как щиплет!

Газ в лимонаде захватил в эту минуту горло ораторши и остановил поток ее красноречия. В спальне не оказалось слабых желудков. С какой неистощимой энергией молодые воспитанницы мисс Лед ели и пили! Как весело наслаждались они восхитительной возможностью говорить пустяки!

В непонятном плане мироздания не бывает полного человеческого счастья. Когда ужин уже заканчивался, наслаждение пиршеством было прервано тревогой часового у дверей.

– Погасите свечку, – шепнула Присцилла. – Кто-то идет по лестнице.

Глава II

Биография в спальне

Свечка была немедленно погашена. Девушки прокрались к своим постелям и прислушались. В помощь бдительности часового дверь была оставлена полуотворенной. В узкое отверстие слышался скрип широкой деревянной лестницы старого дома. Через минуту наступила тишина. Однако скрип послышался опять. На этот раз звук был отдаленный и уменьшавшийся. Вдруг он прекратился. Полночная тишина уже не нарушалась.

Что это значило?

Не услышал ли кто-нибудь из многих начальствующих лиц в доме мисс Лед, как девушки разговаривали? Лицо захотело бы застать их на месте нарушения одного из правил в доме. В этом поступке не было бы ничего необыкновенного. Но почему лицо вдруг отказалось от своих намерений и вернулось с лестницы обратно в свою комнату? Какое же более рациональное объяснение можно было придумать в эту минуту? Франсина первая выразила свою мысль.

– Ради бога, зажгите опять свечу! Это привидение.

– Уберите ужин, дурочки, прежде чем привидение донесет на нас мисс Лед, – тут же насмешливо откликнулась Эмили, остановив возникавшую панику. Дверь затворили, свечу зажгли, все следы ужина исчезли. Минут пять воспитанницы еще прислушивались.

– Я не думаю, чтобы на лестнице кто-нибудь был, – подала голос Сесилия. – В старых домах всегда слышится странный шум по ночам, а говорят, что эта лестница была сделана более чем двести лет тому назад.

Девушки переглянулись с чувством облегчения, но ждали мнение царицы. Эмили, по обыкновению, оправдала доверие:

– Если Сесилия права, учительницы спят, и нам нечего их бояться. Если она неправа, мы рано или поздно увидим одну из них в дверях. Не пугайтесь, мисс де Сор. Когда нас застанут ночью за болтовней, в этой школе, нам только сделают выговор. Когда нас застанут со свечой, нас накажут. Затушите свечу.

Франсина верила в привидения так искренно, что ее суеверие нельзя было поколебать. Она вскочила на постели.

– О, не оставляйте меня в темноте, я приму наказание на себя, если нас застанут.

– Вы дадите честное слово? – хмыкнула Эмили.

– Да-да!

– Забавно, однако, – обратилась царица к своим подданным, – что такая взрослая девушка, поступив в новую школу, начнет с наказания. Могу я спросить, вы иностранка, мисс де Сор?

– Мой отец испанский дворянин, – ответила Франсина с достоинством.

– А ваша мать?

– Моя мать англичанка.

– И вы всегда жили в Вест-Индии?

– Я всегда жила на острове Сан-Доминго.

Эмили стала считать по пальцам недостатки и достоинства, открывшиеся в характере дочери мистера де Сора.

– Невежественна, суеверна, иностранка и богата. Милая моя – простите за фамильярность, – вы девушка интересная, и мы должны узнать вас получше. Развлеките спальню. Что вы делали раньше? И какое чудо привело вас сюда? Постойте! Прежде чем вы начнете, я настаиваю на одном условии от имени всех молодых девиц в этой комнате: никаких бесполезных сведений о Вест-Индии.

Франсина обманула ожидания своих слушательниц. Эмили была принуждена помогать ей вопросами. В одном отношении результат оправдал хлопоты. Девушки узнали причину появления новой ученицы накануне закрытия школы на каникулы.

Ее отец, небольшой плантатор, был слишком беден, для того чтобы выписать гувернантку из Франции или Англии. Здоровье матери девушки было слабое, и все ее заботы сосредоточились на сыне, родившемся в последние годы супружеской жизни. Франсина (по ее мнению) была постыдно заброшена. Шесть месяцев тому назад положение ее родителей изменилось к лучшему. Брат отца оставил ему после своей смерти одно из прекраснейших имений на Сан-Доминго и капитал, с единственным условием, чтобы наследник продолжал жить на острове. Вопрос об издержках теперь не значил ничего для этого семейства, и Франсину отослали в Англию как девицу с большими надеждами, очень нуждающуюся в светском воспитании. По совету содержательницы пансиона во время каникул девушка должна брать частные уроки. Франсину повезут в Брайтон и пригласят отличных учителей на помощь мисс Лед. Имея еще шесть недель, девушка в некоторой степени наверстает потерянное время; а когда школа опять откроется, Франсина избегнет унижения поступить в низший класс.

– Я думаю, что теперь моя очередь узнать кое-что! – сказала наконец Франсина. – Могу я просить вас начать, мисс Эмили? Пока я знаю только то, что ваша фамилия Браун.

Эмили неожиданно подняла руку. Не послышался ли опять таинственный скрип на лестнице? Нет. Звук, уловленный тонким слухом Эмили, раздавался с кроватей на противоположной стороне комнаты, занимаемых тремя ленивыми девушками. Юфи, Анис и Присцилла поддались успокоительному влиянию хорошего ужина и теплой ночи. Они крепко спали; и самая толстенная из троих (тихо, как прилично молодой девице) похрапывала.

Безукоризненная репутация спальни была дорога Эмили как царице. Она почувствовала себя оскорбленной.

– Если у Юфи будет когда-нибудь обожатель, – сказала она с негодованием, – я сочту своей обязанностью предупредить этого бедного человека, чтобы он не женился на ней. Я назвала бы ее Вареной Телятиной. Ее волосы бесцветны, глаза бесцветны, и лицо бесцветно. Словом, в Юфимии нет ничего замечательного. Вы, конечно, не любите, когда храпят. Извините, если я повернусь к вам спиной. Я хочу бросить в нее мою туфлю.

Нежный голос Сесилии – подозрительно сонный – вмешался в интересах сострадания.

– Она не могла устоять, бедняжка, и не так громко храпит, чтобы мешать нам.

Впрочем, заразительность отдыха передалась и Франсине. Она раскрыла свой большой рот и зевнула.

– Спокойной ночи! – сердито сказала Эмили.

Сонливость мисс де Сор тотчас прошла.

– Нет, вы ошибаетесь, если думаете, что я сейчас засну. Пожалуйста, начните рассказывать о себе, мисс Эмили, я жду, чтобы вы меня заинтересовали.

Эмили, по-видимому, не чувствовала желания раскрывать новенькой свою жизнь. Она внезапно заинтересовалась погодой.

– Кажется, поднимается ветер?

В этом не могло быть сомнения. Листья в саду начали шелестеть, и дождь стал бить в окна.

Но Франсина, как оказалось, была девушка упрямая.

– Давно вы в этой школе? – спросила она.

– Более трех лет.

– Есть у вас братья и сестры?

– Я единственная дочь.

– Живы ваши родители?

Эмили вдруг приподнялась на постели.

– Подождите! Мне кажется, я опять слышу скрип.

– Скрип на лестнице?

– Да.

– Скорее всего, деревья качаются! – прошептала Сесилия. Действительно, ветер все усиливался. Шум больших деревьев в саду раздавался, как прилив волн на отдаленном берегу. Тяжелый ливень прямо бил в окна.

– Почти буря, – сказала Эмили.

Франсина еще не получила ответа на последний вопрос. Она воспользовалась первым представившимся случаем повторить его.

– Не обращайтесь внимания на погоду, – сказала она. – Расскажите мне о ваших отце и матери. Оба они живы?

Эмили дала ответ только о своей матери.

– Моя мать умерла, прежде чем я могла почувствовать свою потерю.

– А отец?

Эмили, игнорируя любопытство мисс де Сор, заговорила о сестре своего отца.

– Когда я выросла, моя добрая тетушка была для меня второй матерью. В одном отношении моя история составляет противоположность с вашей. Вы сделались неожиданно богаты, а я неожиданно бедна. Состояние моей тетки должно было перейти ко мне, если я ее переживу. Она разорилась от банкротства одного банка. На старости лет она должна жить на сто фунтов в год; а я должна буду сама содержать себя, когда выйду из школы.

– А разве ваш отец не может помочь вам?

– У него собственность поземельная, – голос Эмили заметно ослабел. – Земля укреплена за наследниками мужского пола и перейдет к его ближайшим родственникам.

– Должна ли я понять, что ваш отец умер? – Спросила Франсина.

Эмили уступила наконец.

– Да, – сказала она, – мой отец умер!

– Давно?

– Я очень любила отца, – с печалью отозвалась царица. – Прошло около четырех лет после его смерти, а мое сердце еще болит, когда я думаю о нем. Я не легко поддаюсь огорчениям, мисс де Сор, но его смерть была внезапна – он уже лежал в могиле, когда я узнала об этом... и... он был так добр ко мне! Он был так добр ко мне!

Веселая, живая девушка, предводительствовавшая всеми, жизнь и душа школы, закрыла лицо руками и неожиданно заплакала.

Испуганная и – надо отдать ей справедливость – пристыженная Франсина пыталась извиниться. Великодушная натура Эмили простила жестокую настойчивость новой подруги.

– Нет, нет. Это не ваша вина. Не извиняйтесь.

– Да, но я желаю, чтобы вы знали, как мне вас жаль, – настаивала Франсина, впрочем, без малейшего сочувствия в лице и голосе. – Когда мой дядя умер и оставил нам все свои деньги, папа была очень огорчен. Он надеялся, что только время поможет ему утешиться.

– Время мало помогло мне, Франсина, я боюсь, что в моей натуре есть что-то извращенное; надежда встретиться на том свете кажется мне слабой и отдаленной. Перестанем говорить об этом. Поговорим об этой доброй девушке, которая спит по другую вашу сторону, – показала она на все-таки уснувшую Сесилию. Сказала я вам, что я должна сама содержать себя, когда выйду из школы. Так вот, Сесилия написала домой и нашла для меня место.

В этот короткий промежуток, погода начала опять меняться. Ветер был еще силен, но судя по уменьшившемуся шуму, дождь проходил.

Эмили была так признательна своей приятельнице и школьной подруге, что не заметила равнодушного вида, с каким Франсина устроилась на своих подушках, чтобы слушать

похвалы Сесилии. Самая хорошенькая воспитанница в школе не интересовала эту некрасивую девушку с упрямым подбородком. В конце концов Эмили заметила молчание Франсины и внимательнее посмотрела на нее. Мисс де Сор спала.

«Она могла бы сказать мне, что она устала, – подумала Эмили. – Мне ничего больше не остается, как потушить свечу и последовать ее примеру».

Дверь спальни вдруг отворилась настежь. Высокая женщина в черной блузе стояла на пороге и смотрела на Эмили.

Глава III

Покойный мистер Браун

– Не гасите свечу!

Сказав эти слова, женщина оглянулась и удостоверилась, что другие девушки спят.

Эмили положила гасильник.

– Вы, конечно, намерены донести на нас, – тихо произнесла девушка. – Я во всем виновата, мисс Джетро; обвините меня.

– Я не имею намерения доносить на вас. Я желаю с вами говорить.

Мисс Джетро откинула с висков свои густые черные волосы, уже перемешанные с седыми. Ее большие черные глаза остановились на Эмили с грустным участием.

– Когда ваши молодые приятельницы проснутся завтра утром, – продолжала она, – вы можете сказать им, что новая учительница, которую никто не любит, оставила школу.

На этот раз даже находчивая Эмили пришла в недоумение:

– Вы уходите? А между тем вы здесь только с Пасхи.

– Я не очень крепкого здоровья, – продолжала мисс Джетро. – Могу я присесть на вашу постель?

В других случаях она была замечательна своим холодным спокойствием; но при этой просьбе ее голос задрожал.

Эмили кивнула.

– Извините, мисс Джетро. Если вы не намерены доносить на нас, зачем же вы вошли и поймали меня с огнем?

Мисс Джетро вздохнула:

– Я имела низость подслушивать у дверей, и слышала, как вы говорили о вашем отце. Я желаю слышать подробнее о вашем отце. Вот зачем я здесь.

– Вы знали моего отца! – воскликнула Эмили.

– Думаю, что знала; но в Англии тысячи Джеймсов Браунов – я боюсь сделать ошибку. Я слышала, вы сказали, что он умер около четырех лет тому назад. Можете вы обозначить какие-нибудь подробности? Если вы думаете, что я позволяю себе слишком много, то...

Эмили остановила ее.

– Я помогла бы вам, но я была больна в то время и гостила у друзей в Шотландии. Извещение о смерти отца окончательно уложило меня в постель. Прошло несколько недель, прежде чем я была в состоянии отправиться в дорогу – и много, много прошло недель, прежде чем я увидела его могилу. Я могу сказать вам только то, что я знаю от моей тетки. Он умер от болезни сердца.

Мисс Джетро вздрогнула.

– Что в моих словах испугало вас? – спросила Эмили.

– Ничего! Я нервна в бурную погоду – не обращайтесь внимания на меня.

Она продолжала:

– Вы мне скажете день его смерти?

– Тридцатое сентября.

– Вы знали моего отца?

Мисс Джетро отвечала машинально:

– Я знала вашего отца.

Эмили испуганно взглянула на нее.

В молодости учительница должно быть была хороша собой. Ее черты еще сохраняли царственную красоту – может быть, еврейскую. Краска вспыхнула на ее бледных щеках. Глаза оживились. Отвернувшись, она преодолела волнение, овладевшее ею.

– Какая ужасная ночь! – сказала она и, вздохнув, продолжала с твердостью: – Я не удивляюсь, что ваш отец никогда не упоминал вам обо мне. – Она сказала это спокойно; но лицо ее сделалось бледнее прежнего. – Не могу ли я сделать чего-нибудь для вас, – спросила она, – прежде чем уеду? О! Я только говорю о какой-нибудь ничтожной услуге, за которую вы не были бы обязаны оставаться мне благодарны, и которая не принуждала бы вас поддерживать со мной знакомство.

– Вы думали о нем, – прошептала Эмили, – когда спросили, не можете ли оказать услугу мне?

Мисс Джетро задрожала, как будто почувствовала холод.

Эмили протянула руку, но мисс Джетро встала и попятилась.

– Посмотрите на свечку! – воскликнула она.

Свечка вся сгорела. Эмили еще протягивала руку.

– Еще осталось довольно света, – сказала мисс Джетро, – чтобы показать мне дорогу к двери. Спокойной ночи – и прощайте.

Эмили схватила ее за платье и удержала.

– Зачем вы не хотите пожать мою руку? – спросила она.

Свеча погасла и оставила их в темноте.

До сих пор они говорили осторожным тоном, боясь разбудить спящих девушек. Внезапная темнота произвела неизбежное действие. Голоса их понизились теперь до окончательного шепота.

– Друг моего отца и мой друг тоже, – твердила Эмили.

– Прекратите об этом разговор.

– Почему?

– Вы никогда не можете быть моим другом.

– Почему?

– Пустите меня!

Чувство уважения к самой себе не допускало Эмили более настаивать.

– Извините, что я удерживаю вас здесь против вашей воли.

Мисс Джетро тотчас уступила со своей стороны.

– Мне жаль, что я так упрямылась, – ответила она. – Если вы презираете меня, я это заслужила вполне. Вы не должны иметь со мной никаких отношений.

– Я этому не верю!

Мисс Джетро вздохнула с горечью.

– Молода и с горячим сердцем – я когда-то была такая, как вы! – Она преодолела вспышку отчаяния. – Вы хотите узнать – и узнаете! – сказала она. – Кто-то в этом доме или в другом месте, я не знаю, донес на меня содержательнице школы. Несчастная женщина в моем положении подозревает всех, а что еще хуже, делает это без причины или извинения. Я слышала, как вы, девушки, разговаривали, когда вам следовало спать. Вы все не любите меня. Я подумала – не донес ли на меня кто-нибудь из вас? Конечно, это подозрение нелепо для женщины со здравым умом! Я спустилась с лестницы до половины, устыдилась и вернулась в мою комнату. Если бы я могла заснуть! Ах, этого не случилось. Мои гнусные подозрения прогоняли от меня сон; я опять встала с постели. Вы знаете, что я услышала за этой дверью, и почему мне было интересно услышать это. Ваш отец никогда не говорил мне, что у него есть дочь. Вы были для меня просто «мисс Браун», я до сегодняшней ночи не знала, кто вы. Я говорю вздор. Что вам до этого всего. Мисс Лед сострадательна, она отпускает меня без огласки. Вы можете угадать, что случилось. Нет? Не угадываете даже и теперь? От невинности или доброты вы так медленно все понимаете? Милая моя, я получила доступ в этот уважаемый дом посредством фальшивых аттестатов, и об этом узнали. Теперь вы зна-

ете, почему вы не должны быть другом такой женщины, как я! Еще раз спокойной ночи – и прощайте!

Эмили не захотела так проститься с нею.

– Пожелайте мне спокойной ночи, – сказала она, – но не прощайтесь со мною. Позвольте мне увидеть вас опять.

– Никогда!

Стук тихо затворившейся двери едва был слышен. Мисс Джетро ушла, и Эмили никогда ее больше не видела.

«Дурная? Или хорошая? – спрашивала себя девушка всю оставшуюся ночь. – Фальшивая, потому что она подслушивала у дверей. Правдивая, потому что сама рассказала мне о своем поступке. Друг моего отца, а не знала, что у него есть дочь. Утонченная, образованная, настоящая леди, а прибегает к фальшивым аттестатам. Как примирить такие противоречия?»

Рассвет заглядывал в окно – рассвет того достопамятного дня, который для Эмили был началом новой жизни.

Глава IV

Учитель рисования

Франсину разбудила на следующее утро служанка, принеся ей на подносе завтрак. Франсина осмотрелась кругом. Спальня была пуста.

– Все другие молодые девицы суетятся, как пчелы, мисс, – объяснила служанка. – Они встали и оделись два часа тому назад; и завтрак убран давным-давно. Во всем виновата мисс Эмили. Она не позволила разбудить вас; сказала, что вам нечего делать внизу, и что с вами надо обращаться, как с гостьей. Она поговорила с экономкой, и меня послали к вам. Пожалуйста, извините, если чай холодный. Это великий день, и поэтому у нас все вверх дном.

Расспросив, что значат эти слова «великий день», Франсина узнала, что первый день каникул посвящался раздаче наград в присутствии родителей, опекунов и друзей. К этому прибавлялись в виде увеселения безжалостная пытка человеческого терпения, называемая произнесением речей, небольшая закуска и музыкальные упражнения в промежутках. Местная газета прислала репортера описать празднество, и некоторые из молодых воспитанниц мисс Лед должны были вскоре увидеть в печати свои имена.

– Все начнется в три часа, – продолжала служанка, – и от игры на фортепиано, репетиций и украшения классной такой содом, что голова идет кругом. Кроме того, нас всех ожидал сюрприз. Сегодня утром мисс Джетро оставила нас, не простившись ни с кем.

– Кто это мисс Джетро?

– Новая учительница, мисс. Никто из нас не любил ее, и мы все подозревали что-то нехорошее. Мисс Лед и пастор вчера долго разговаривали (наедине, знаете), и послали за мисс Джетро. Не могу ли я сделать что-нибудь для вас, мисс? Сегодня прекрасный день после дождя. На вашем месте я пошла бы погулять в саду.

Позавтракав, Франсина решила воспользоваться этим благоразумным советом.

«Придет ли время, – с горечью спрашивала она себя, – когда я получу награду и буду играть и петь при всем собрании? Как бы мне было приятно заставить девушек завидовать мне!»

Широкая лужайка, осененная с одного конца прекрасными старыми деревьями, а с другого – цветниками и кустарниками, делала сад приятным убежищем в это прекрасное летнее утро. Новизна сцены после Вест-Индии, восхитительный ветерок, после ночного дождя, произвели свое веселое влияние даже на угрюмое расположение духа Франсины. Она невольно улыбалась, идя по тропинкам и слыша птиц над своей головой.

Пройдя между деревьями, занимавшими значительное пространство, она вышла на открытую местность и увидела старый пруд, поросший водяными растениями. Капли просачивались из разрушенного фонтана в середине пруда. На дальней его стороне поверх низкой ограды обнаружился красивый вид на деревню, церковь и сосновый лес на пригорках. Недалеко стояло маленькое деревянное здание в виде швейцарского шале. Возле этого здания Франсина увидела дачный стул и стол; на стуле – ящик с красками, а на столе – портфель. На траве валялся какой-то листок, изредка гонимый причудливым ветерком. Франсина обежала кругом пруда и подняла бумагу в то мгновение, когда она уже падала в воду. На бумаге был акварельный эскиз деревни и леса. Эскиз заинтересовал ее.

Подняв глаза, Франсина вздрогнула. Она увидела у окна человека.

– Когда вы кончите рассматривать этот рисунок, – сказал он спокойно, – потрудитесь отдать его мне.

Он был высок, худощав и черноволос. Его прекрасно очерченное умное лицо – нижняя часть которого была закрыта кудрявой черной бородой – было бы красиво, если бы не глубокие борозды, преждевременно проведенные между бровями и углами рта. Точно таким

же образом какая-то насмешливость портила привлекательность его утонченного и кроткого обращения. Только дети и собаки ценили его достоинства, не примечая недостатков, уменьшавших благоприятное впечатление, которое он производил на мужчин и женщин. Одевался он опрятно, но куртка была дурно сшит, а живописная пуховая шляпа была слишком стара, словом, все хорошее в нем портилось чем-нибудь.

Франсина подала ему эскиз в окно, не зная, в шутку или серьезно были сказаны эти слова.

– Я позволила себе дотронуться до вашего рисунка, только потому что он находился в опасности, – сказала она.

– В какой опасности?

– Если бы я не подняла его вовремя, он упал бы в воду.

– А как вы думаете, стоило ли его поднимать?

Сделав этот вопрос, он посмотрел сперва на эскиз, потом на вид, который он представлял, потом опять на эскиз. Углы его рта поднялись вверх с юмористическим выражением презрения.

– Госпожа природа, – сказал он, – прошу у вас прощения.

С этими словами он спокойно разорвал свой рисунок на мелкие куски и выбросил их из окна.

– Какая жалость! – сказала Франсина.

Он вышел к ней.

– Почему жалость?

– Такой хорошенький рисунок.

– Рисунок был нехорош.

– Вы не очень вежливы, сэр.

Он посмотрел на нее – и вздохнул, как бы сожалея, что такая молодая женщина так обидчива.

– Скажите прямо, мисс, что я оскорбил самое главное чувство в вашей натуре – чувство самоуважения. Вам неприятно, что вам сказали, даже косвенно, что вы ничего не понимаете в искусстве. В нынешнее время все знают всё и все-таки думают, что не стоит знать ничего. Но остерегайтесь принимать равнодушный вид, который есть не что иное, как прикрытая самонадеянность. Главная страсть цивилизованного человечества – высокомерие. Вы можете дразнить и поносить вашего самого дорогого друга всячески, и он вам простит. Но взъерошьте гладкую поверхность самонадеянности вашего друга – и между вами на всю жизнь водворится холодность. Извините, что я вас угощаю своей мишурной опытностью, остроумный разговор такого рода – вид моей самонадеянности. Не могу ли я быть вам полезен в чем-нибудь другом? Не отыскиваете ли вы одну из наших девиц?

Франсина невольно заинтересовалась им, когда он сказал «наших девиц». Она спросила не принадлежит ли он к школе.

Углы его рта опять поднялись вверх.

– Я один из учителей, – сказал он. – А вы тоже принадлежите к школе?

Франсина наклонила голову с важностью снисхождения, намереваясь этим держать его на приличной дистанции. Он, напротив, из любопытства позволил себе еще один вопрос:

– Не имеете ли вы несчастье сделаться одной из моих учениц?

– Я не знаю, кто вы.

– Вы узнаете не больше, когда я вам скажу. Меня зовут Албан Моррис.

Франсина поправилась.

– Я хочу сказать, что я не знаю, чему вы учите.

Албан Моррис указал на лоскутки своего эскиза.

– Я – дурной художник, – сказал он. – Некоторые дурные художники становятся членами Королевской Академии. Некоторые начинают пить. Некоторые получают пенсию. А некоторые – я принадлежу к их числу – находят пристанище в школах. За рисование в этой школе платят особо. Хотите послушать моего совета? Поберегите карман вашего доброго отца, и скажите, что вы не желаете учиться рисовать.

Он сказал это так серьезно, что Франсина расхохоталась.

– Какой вы странный человек, – сказала она.

– Опять ошиблись, мисс. Я несчастный человек.

Борозды на его лице сделались глубже. Юмор исчез из его глаз. Он повернулся к беседе и взял с подоконника трубку и кiset.

– Я потерял единственного друга в прошлом году, – сказал он. – После смерти моей собаки, у меня остался один товарищ – моя трубка. Конечно, я не имею права наслаждаться ее обществом в присутствии дам. Они имеют свой особенный взгляд на запахи. Их платья и письма пропитаны зловонным выделением кабарги. Чисто растительный запах табака для них нестерпим. Позвольте мне уйти и поблагодарить вас за хлопоты спасения моего рисунка.

Равнодушный тон, которым он выразил свою признательность, уколол Франсину.

– Я ошиблась, похвалив ваш рисунок, – сказала она, – ошиблась, сочтя вас странным человеком. Не ошибусь ли я и в третий раз, сказав, что вы ненавидите женщин?

– С сожалением должен сказать, что вы правы, – серьезно ответил Албан Моррис.

– Неужели нет даже ни одного исключения?

Как только она произнесла эти слова, она увидела, что задела какую-то тайную, чувствительную в нем струну. Его черные брови нахмурились, он взглянул на нее с сердитым изумлением. Это прошло в одно мгновение. Албан Моррис приподнял свою поношенную шляпу и поклонился.

– Во мне еще осталось больное место, – сказал он, – и вы невинно затронули его. Прощайте.

Прежде чем она успела заговорить, он отвернулся.

Глава V

Открытие в саду

Мисс де Сор повернула назад.

Разговор с учителем рисования помог ей провести время. Франсина решила, что он «немножко помешан».

Дойдя до лужайки, она увидела Эмили, ходившую взад и вперед, в глубокой задумчивости.

– Вы кажется не в духе, – окликнула Франсина царицу. – Неужели вам жаль оставить школу?

– Вы не ошиблись, – ответила та. – Школа сделала перемену в моей жизни и помогла мне перенести потерю моего отца. Если вы хотите знать, о чем я думаю теперь, я скажу вам, что я думаю о моей тетке. Она не ответила на мое последнее письмо – и я начинаю бояться, не больна ли она. Вот причина, если вы находите меня не в духе.

– Мне очень жаль, – сказала Франсина.

– Почему? Вы не знаете моей тетки, а меня узнали только со вчерашнего дня. Почему вам жаль?

Франсина молчала. Не сознавая этого, она начала чувствовать влияние, которое Эмили производила на более слабые натуры, когда они приходили в соприкосновение с нею. Подождав напрасно ответа, Эмили отвернулась, разговор прошлой ночи с мисс Джетро вспомнился ей.

Действуя скорее по инстинкту, чем по рассудку, она сохранила этот замечательный эпизод ее школьной жизни втайне от всех. Другие не заметили ничего. Мисс Лед очень осторожно упомянула об уходе преподавательницы:

– Обстоятельства частного характера принудили мисс Джетро оставить мою школу. После каникул на ее месте будет другая учительница.

Расспросы не привели ни к каким результатам. Вещи мисс Джетро были отосланы на станцию лондонской железной дороги, а сама мисс Джетро ушла из школы пешком. Эмили интересовалась выбывшей учительницей не из одного любопытства; она искренно желала вновь увидеть таинственного друга ее отца. Ей пришла в голову одна мысль. Может быть, ее тетка знает мисс Джетро.

– Что делают девицы в классной? – спросила Франсина, чтобы возобновить разговор. Лицо Эмили приняло выражение удивления.

– Почему вы не помогаете подругам? – продолжала Франсина. – У вас самая умная голова!

Эмили отвечала снисходительно:

– Мне нечего там делать.

– Нечего делать? Разве вам не надо получать наград?

– Я получила все награды – давным-давно.

– Но ведь там читают. Наверное, вы прочтете что-нибудь?

Эти невинные слова имели совершенно неожиданный результат. Лицо Эмили покраснело от гнева, как только они были произнесены.

В мужчине чувство оскорбления иногда подчиняется молчанию; в женщине – никогда. Вдруг вспомнив свои прошлые обиды, Эмили, с удивительной непоследовательностью, обратилась к сочувствию Франсины:

– Поверите ли вы? Мне запретили читать – мне, первой ученице в школе! О, не сегодня. Это случилось месяц тому назад – когда мы все совещались. Мисс Лед спросила меня, выбрала ли я что-нибудь. Я сказала: «Я не только выбрала, а выучила наизусть». – «А что

же это?» – «Сцена с кинжалом в „Макбете“». Поднялся вой – я не могу дать этому другого названия – вой негодования. Монолог мужчины, да к тому же еще убийцы, прочитанный воспитанницей мисс Лед при родителях и опекунах! Вот каким тоном заговорили они со мной. Я осталась тверда как скала. Сцену с кинжалом – или ничего. Результатом было – ничего! Оскорбление Шекспиру и оскорбление мне. Я оскорбилась этим – и теперь еще оскорблена. Я была готова на все жертвы в интересах драмы. Если бы мисс Лед поняла меня, понимаете ли вы, что я сделала бы? Я сыграла бы Макбета. Выслушайте меня и судите сами. Я начинаю со страшным, рассеянным взглядом, и глухим стоном в голосе: «Кинжал ли я вижу перед собой?..»

Сказав эти слова, Эмили вздрогнула, лицо ее вспыхнуло, а глаза гневно сверкнули.

– Извините меня, я не могу положиться на мою память. Мне надо взять пьесу.

С этим резким извинением она пошла по направлению к дому. С некоторым удивлением Франсина обернулась и увидела учителя Албана Морриса.

Не восхищался ли и он сценой с кинжалом? Не желал ли скромно послушать, не приближаясь к ним слишком близко?

После того, как художник поспешно удалился, на лужайке появилась кроткая Сесилия, прехорошенькая, в широкой соломенной шляпке и белом платье с букетом на груди.

– В классной так жарко, – сказала она улыбаясь и обмахиваясь веером, – а некоторые девушки, бедняжки, такие сердитые на репетиции, что я убежала. Надеюсь, вам приносили завтрак, мисс де Сор. Что вы делали здесь одна?

– Я сделала интересное открытие, – ответила Франсина.

– Интересное открытие в нашем саду?

– Учитель рисования влюблен в Эмили. Может быть, она им не интересуется, а может быть, я была препятствием к назначенному свиданию между ними.

Сесилия наелась за завтраком досыта своего любимого кушанья – яиц с маслом. Она находилась в таком хорошем расположении духа, что была готова кокетничать с кем угодно.

– Нам не позволяют говорить о любви в этой школе, – сказала она и закрыла лицо веером. – Кроме того, если мисс Лед догадается, бедный мистер Моррис может лишиться своего места.

– Но разве это справедливо? – спросила Франсина.

– Эмили никому из нас не говорила об этом ни слова, и мистер Моррис секретничает. Время от времени мы видим, как он поглядывает на нее, и делаем выводы, – сообщила Сесилия.

– Вы встретили Эмили, когда шли сюда?

– Да, она прошла, не заговорив со мной.

– Может быть, она думала о мистере Моррисе?

Сесилия пожала плечиками.

– Возможно, она думала о новой жизни, предстоящей ей, и боюсь, сожалела о том, что вверила мне свои надежды и желания. Говорила она вам вчера, что ей предстоит, когда она выйдет из школы?

– Она сказала мне, что вы помогли ей. Наверное, я узнала бы больше, если бы не заснула. Что будет она делать?

– Жить в скучном доме, далеко на Севере, – ответила Сесилия, – и только со старыми людьми. Она должна писать и переводить для одного большого ученого, который изучает таинственные надписи – кажется, их называют иероглифами, – найденные в развалинах центральной Америки. Право, это невесело, Франсина! Эмили упрашивала меня помочь ей честным образом содержать себя. Что могла я сделать? Я могла только написать своему отцу. Он – член парламента. Все, кому нужно место, думают, что он обязан найти его для них.

Случилось так, что старый друг отца – сэр Джервис Редвуд – искал секретаря. Держась мнения, что женщин следует допускать к мужским занятиям, сэр Джервис готов был взять к себе на пробу, «существо женского пола». Не ужасно ли так говорить о нас? Папа отвечал ему, что он не знает никакой дамы, которую мог бы рекомендовать ему. Получив мое письмо, в котором я ему говорила об Эмили, он написал опять. В это время к сэру Джервису обращались две просительницы. Они обе были старухи, и он не согласился взять их.

– Потому что они стары, – коварно заметили Франсина.

– Мы послушаем, как он сам объясняет причину, милая моя. Папа послал мне выписку из его письма. Оно рассердило меня, и может быть, по этой причине я могу повторить вам слово в слово: «Нас в этом доме четыре старых человека и нам не нужен пятый. Пусть у нас будет молодая девушка, которая будет нас развлекать. Если приятельнице вашей дочери понравятся условия, если она ни в кого не влюблена, я приглашу ее, когда школа закроется летом». Грубо и эгоистично – не так ли? Однако Эмили не согласилась со мною, когда я ей показала выписку. Она приняла это место к большому удивлению и сожалению ее тетки. Теперь, когда настало время – хотя Эмили в этом не сознается, – я думаю, что она, бедняжка, в душе страшится своего будущего.

– Весьма вероятно, – согласилась Франсина без малейшего притязания на сочувствие. – Но скажите мне, кто они, четыре старых человека?

– Во первых, сам сэр Джервис, которому семьдесят лет; во во-вторых, его незамужняя сестра, которой около восьмидесяти, потом – его камердинер, мистер Рук, которому за шестьдесят; и наконец, жена камердинера, которая считает себя молодой, потому что ей немного больше сорока. Миссис Рук приедет сегодня, проводить Эмили на Север, и я не уверена, что она понравится Эмили.

– Должно быть, неприятная женщина?

– Нет – не совсем то; немножко странная и причудливая. Дело в том, что у мистера Рука были неприятности, и может быть, они несколько расстроили ее. Она и ее муж содержали деревенскую гостиницу возле нашего парка. Мне очень жаль этих бедных людей. На что вы смотрите, Франсина?

Нисколько не интересуясь мистером и миссис Рук, Франсина отыскивала недостатки в хорошеньком личике своей подруги. Она уже нашла, что глаза Сесилии располагаются очень далеко один от другого, и что ее подбородок мал и безволен.

– Я восхищалась цветом вашего лица, – ответила она хладнокровно. – Ну-с, почему вам жаль мистера и миссис Рук?

Простодушная Сесилия улыбнулась и продолжала свой рассказ.

– Они были принуждены поступить на место, на старости лет, вследствие несчастья. Мистер Рук обанкротился; гостиница получила дурную репутацию – самым ужасным образом – там было убийство.

– Убийство?! – вскрикнула Франсина. – Ах как это интересно! Зачем вы не сказали мне этого прежде?

– Я не подумала об этом, – спокойно ответила Сесилия.

– Продолжайте! Вы были дома, когда это случилось?

– Я была здесь, в школе.

– Вы, верно, прочитали в газетах?

– Мисс Лед не позволяет нам читать газеты. Я узнала из писем. Хотя в письмах не было подробностей. Мне сообщили, что это было так ужасно, что описывать нельзя. Бедный убитый джентльмен...

Франсина пришла в искреннее негодование.

– Джентльмен! – воскликнула она. – Какой ужас!

– Бедняжка был приезжий, – продолжала Сесилия, – и полиция никак не могла узнать причину убийства. Бумажник его пропал; но часы и перстень были найдены на теле. Я помню метку на его белье, потому что начальные буквы его имени такие же, как у моей матери до ее замужества «Д. Б.». Вот все что я знаю об этом, Франсина.

– Наверное, вы знаете, нашли ли убийцу?

– Правительство предложило награду, из Лондона прислали искусных сыщиков. Ничего из этого не вышло. Убийца не найден до сих пор.

– Когда это случилось?

– Осенью.

– Прошлого года?

– Нет! Нет! Около четырех лет тому назад.

Глава VI

По дороге в деревню

Албан Моррис, которого увидела Франсина, не довольствовался тем, что ушел в другую часть сада. Он направился дальше, к тропинке через поля, которая вела на большую дорогу и железнодорожную станцию.

Учитель рисования пансиона мисс Лед находился в таком нервном состоянии, которое ищет облегчение в быстром движении. Общественное мнение (особенно между женщинами) давно решило, что его обращение оскорбительно, а характер неизлечимо дурной. Мужчины, проходившие мимо него на тропинке, неохотно желали ему «доброго утра». Женщины не обращали на него внимания за исключением молодой и лукавой женщины, которая, видя, что он идет очень скоро к железной дороге, закричала ему в след:

– Не торопитесь, сэр! Вы еще поспеете к лондонскому поезду.

К ее удивлению, он вдруг остановился. Его репутация грубияна была так известна, что женщина отошла на безопасное расстояние, прежде чем решилась взглянуть на него опять. Он не обращал на нее внимания – он как будто что-то соображал. Шаловливая молодая женщина оказала услугу – она подсказала ему мысль.

«Не поехать ли мне в Лондон? – подумал он. – Почему же и нет? Школа закрывается на каникулы, и она уезжает так же как и все».

Он оглянулся на школу.

«Если я вернусь проститься с Эмили, она не покажется мне, и расстанется со мною в последнюю минуту как чужая. После моей опытности в женщинах, опять влюбиться – влюбиться в девушку, которая по летам может быть моею дочерью, – какой я дурак, какой чистейший, униженный дурак!»

Горячие слезы выступили на его глазах, он свирепо отер их и пошел быстрее, решившись тотчас уложить вещи в своей деревенской квартире и уехать следующим поездом.

В том месте, где тропинка выходила на дорогу, он остановился во второй раз.

Причиной опять была особа женского пола – но на этот раз жалкая девочка, плакавшая над разбитой кружкой.

Албан Моррис посмотрел на девочку с угрюмой улыбкой.

– Ты разбила кружку? – спросил он.

– И пролила пиво отца, – ответила девочка.

Ее слабое маленькое тело дрожало от страха.

– Мать приберет меня, когда я вернусь домой, – всхлипнула она.

– А что делает мать, когда ты приносишь кружку целой? – спросил Албан.

– Дает мне хлеба с маслом.

– Очень хорошо. Теперь выслушай меня. Мать опять даст тебе на этот раз хлеба с маслом.

Девочка вытаращила на него глаза, слезы висели еще на ее ресницах. Он продолжал говорить с нею по-прежнему серьезно.

– Ты поняла, что я сейчас сказал тебе?

– Да, сэр.

– Есть у тебя носовой платок?

– Нет, сэр.

– Так вытри себе глаза моим.

Одной рукой он бросил ей свой платок, а другой поднял черепок разбитой кружки.

– Это годится для рисунка, – сказал он себе.

Девочка ободрилась и вытерлась платком. Инстинкт, никогда не обманывающий, сказал этому маленькому существу, что она нашла друга. В серьезном молчании отдала она носовой платок. Албан взял ее на руки.

– Глазки твои опять сухи, а личико приятно видеть, – сказал он. – Хочешь поцеловать меня?

Девочка охотно чмокнула его.

– Теперь пойдем и купим другую кружку.

Ее красные круглые глазки широко раскрылись от страха.

– А деньги-то у вас есть? – спросила она.

Албан похлопал себя по карману.

– Да, есть, – ответил он.

– Вот это хорошо, – сказала девочка, – пойдемте.

Они пошли рука об руку в деревню, купили новую кружку и налили ее пивом. Отец девочки работал на дальнем конце полей, там, где рыли канаву. Албан нес кружку до тех пор, пока они не увидели работника.

– Теперь недалеко идти, – сказал он. – Смотри не урони опять. Что еще?

– Я боюсь.

– Чего?

– О, дайте мне кружку.

Она почти вырвала ее из его рук. Если она пропустит драгоценные минуты, ее прибьют у канавы. Торопясь к своему суровому отцу, девочка тем не менее вспомнила законы вежливости, которым учат в школе, она присела и сказала:

– Благодарю вас, сэр.

Албан посмотрел ей вслед и вздохнул.

– Какая жалость, что из нее выйдет женщина! – сказал он.

Приключение с разбитой кружкой замедлило более чем на полчаса возвращение в квартиру. Когда он вышел опять на дорогу, дешевый поезд с Севера остановился у станции. Он слышал звонок.

Одна из пассажирок, судя по дорожному мешку, который она несла, не остановилась в деревне. Это была маленькая, сухощавая живая женщина – она была одета в яркие цвета и с самым отвратительным безвкусием. Будучи, вероятно, близорукой, она прищурила глаза, и в углах их были заметны хитрые морщинки. Несмотря на свою наружность, она явно не хотела признавать ход времени. Волосы ее были выкрашены, шляпка сидела на затылке и украшалась ярким пером. Она шла легкими, подпрыгивающими шагами и щеголевато держала голову. Ее манера, как и одежда, говорили: «Все равно, сколько бы я ни прожила, я намерена остаться молодой и очаровательной до конца своей жизни». К удивлению Албана, она остановилась и заговорила с ним.

– О, извините. Можете вы сказать мне, по этой ли дороге я иду в школу мисс Лед?

Не заботясь скрыть неприятное впечатление, которое она произвела на него, Албан ответил грубо: «Прямо» – и хотел пройти.

Женщина остановила его решительным движением.

– Я обошлась с вами вежливо, – заметила она, – а как вы обходитесь со мной! Ну, я не удивляюсь; мужчины все грубияны по природе – а вы мужчина. «Прямо»? – повторила она презрительно. – Хотелось бы мне знать, насколько подобный ответ может помочь человеку в чужом месте. Может быть, вы знаете не больше меня, где школа мисс Лед? Или, может быть, вы не хотите взять на себя труд указать мне? Впрочем, чего я должна была ожидать от особы вашего пола! Прощайте.

Албан почувствовал упрек. Извинившись, он сухо сообщил ей все сведения, какие ей были нужны, – потом опять хотел пройти – и опять напрасно. Она еще с ним не покончила.

– Вы знаете здешнюю дорогу, – сказала женщина, – а желала бы я знать, известно ли вам что-нибудь о школе?

До сих пор она прямо смотрела ему в лицо. Теперь она потупилась. Перемена была ничтожная; и, по всей вероятности, не значила ничего – а между тем, только потому что это была перемена, она возбудила его любопытство.

– Мне должно быть известно что-нибудь о школе, – ответил он. – Я там учитель.

– Стало быть, вы именно тот, кто мне нужен. Могу я узнать ваше имя?

– Албан Моррис.

– Благодарю. Я миссис Рук. Вы, может быть, слышали о сэре Джервисе Редвуде?

– Нет.

– Господи помилуй! Вы ученый, разумеется, и не слыхали о человеке вашего сословия! Очень странно. Я экономка Джервиса и послана сюда привезти к нам одну из ваших молодых девиц. Не прерывайте меня! Не будьте опять грубияном! Джервис вечно сидит над своими книгами и писанием, а мисс Редвуд, в своих преклонных летах, половину дня проводит в постели. Ничего не знаю я об этой новой обитательнице нашего дома, кроме того, что должна ее везти с собой. Вам самим было бы любопытно на моем месте? Не правда ли? Теперь скажите мне, кто она такая, эта мисс Эмили Браун?

Имя, о котором он постоянно думал, – на губах этой женщины! Албан оторопело посмотрел на нее.

– Ну, получу я ответ? – сказала миссис Рук. – А, вас надо спрашивать! Опять, как все мужчины? Хорошенькая она?

Албан ответил нелюбезно:

– Да.

– Хорошего характера?

Албан опять сказал:

– Да.

– Этого довольно о ней, – заметила миссис Рук. – Может быть, вы можете сказать, жив ли отец мисс Эмили... вернее, живы ли родители мисс Эмили?

– Я не знаю.

– То есть вы не хотите мне сказать.

– Я сказал вам правду.

– О, это не беда, – отозвалась миссис Рук, – я узнаю это в школе. Первый поворот налево, кажется, вы сказали – через поля.

Алан был так взволнован, что не мог расстаться с экономкой, не задав вопроса со своей стороны.

– Сэр Джервис Редвуд один из старых друзей мисс Эмили?

– Он? С чего это вы взяли? Он даже никогда не видал мисс Эмили. Она едет к нам – ах, женщины теперь одерживают верх; и поделом мужчинам, скажу я! – секретаршей к сэру Джервису. Вам самим хотелось бы этого места? О, можете смотреть свирепо, как вам угодно – прошло то время, когда мужчина мог напугать меня. Мне нравится ее имя. Эмили – имя довольно хорошенькое. Но Браун! Прощайте, мистер Моррис. Мы с вами не носим такой пошлой фамилии, как Браун! О, Боже мой!

Она презрительно покачала головой и ушла, напевая какой-то мотив.

Албан остался, как прикованный, на месте. Он смотрел вслед легкомысленной экономке сэра Джервиса Редвуда и совсем забыл, зачем шел в свою квартиру. Прежде чем миссис Рук скрылась из вида, Албан Моррис отправился следом за ней.

Глава VII

События разворачиваются

Мисс де Сор и мисс Вайвиль еще сидели в саду и разговаривали об убийстве в гостиной.

– И вы больше ничего не можете сказать мне? – спросила Франсина.

– Больше ничего, – ответила Сесилия.

– Любви тут не было?

– Не было, насколько мне известно.

– Это самое неинтересное убийство. Мне надоело сидеть в саду. Когда начнется представление в школе?

– Не прежде, как часа через два.

Франсина зевнула.

– А вы что там делаете? – спросила она.

– Ничего. Я пробовала раз спеть простую песенку. Но когда я очутилась перед всеми зрителями и увидела ряды дам и мужчин, ожидавших, чтобы я начала, я так перепугалась, что мисс Лед должна была извиниться за меня. Я не могла оправиться целый день. Первый раз в жизни у меня не было аппетита за обедом. Ужас! Уверяю вас, я думала, что умру.

Нисколько не тронутая этим прискорбным рассказом, Франсина лениво повернула голову к дому. В эту самую минуту отворилась дверь. Стройная, невысокого роста девушка быстро спускалась по ступеням, которые вели на лужайку.

– Это Эмили возвращается, – сказала Франсина.

– И кажется, торопится, – заметила Сесилия.

Эмили даже не смотрела на Франсину. Она была явно огорчена. Сесилия встала, испугавшись. Ей прежде всех Эмили поверяла свои семейные беспокойства.

– Дурные известия от вашей тетушки? – спросила она, когда девушка приблизилась.

– Нет, милая моя; совсем никаких известий.

Эмили нежно обняла подругу.

– Настала пора, Сесилия, – сказала она, – мы должны проститься.

– Разве миссис Рук уже здесь? Вы уезжаете?

– Это вы уезжаете, – грустно ответила Эмили. – За вами прислали гувернантку. Мисс Лед занята в классной и не может видеть ее, – а она все рассказала мне. Не пугайтесь. Дурных известий из дома нет. Только планы ваши изменены.

– Изменены? – повторила Сесилия. – В каком отношении?

– В очень приятном. Вы едете путешествовать. Отец ваш желает, чтобы вы поспели в Лондон к вечернему поезду во Францию.

Сесилия угадала, что случилось.

– Моя сестра нездорова, – сказала она, – и доктора посылают ее за границу.

– На Сен-Морицкие ванны, – прибавила Эмили. – Вы знаете, как Джулия вас любит. Она не хотела и слышать об отъезде, если вы не поедете с ней. Квартира на ваннах уже нанята.

– Я очень рада ехать с Джулией, – с жаром ответила Сесилия. – Я думала о вас, душечка.

Ее нежная натура, ужасавшаяся суровых трудностей жизни, ужасалась теперь жестокости близкой разлуки.

– Я думала, что мы проведем вместе еще несколько часов, – сказала она, – зачем нас так торопят? В Лондон с нашей станции поезд идет довольно поздно.

– Есть скорый поезд, – напомнила ей Эмили, – и вы поспеете к нему, если тотчас поедете.

Она взяла руку Сесилии и прижала ее к груди.

– Благодарю вас опять и опять, за все, что вы сделали для меня. Увидимся мы или нет, но пока я жива, я буду вас любить. Не плачьте.

Она сделала усилие и вернула свою обычную веселость.

– Постарайтесь быть так же спокойны сердцем, как я. Думайте о вашей сестре – не думайте обо мне. Только поцелуйте меня.

Сесилия заплакала.

– О, моя милочка, я так беспокоюсь о вас! Я так боюсь, что вы будете несчастливы с этим старым эгоистом – в этом скучном доме. Откажитесь, Эмили. У меня довольно денег для нас обеих. Поезжайте за границу со мной. Почему же нет? Вы всегда хорошо сходились с Джулией, когда приезжали к нам на праздники. О, моя дорогая! Моя дорогая! Что я буду делать без вас?

– Наши пути в жизни расходятся, – сказала Эмили. – Но всегда остается надежда встретиться опять.

Сесилия еще крепче обняла ее.

– Нет ни малейшей причины, Сесилия, тревожиться о моей будущности, – успокаивала ее Эмили. И пошутила: – Я намерена сделаться фавориткой сэра Джервиса Редвуда.

Неожиданно Эмили запнулась. К девушкам подходила гувернантка.

– Еще один поцелуй, дорогая, – попросила Сесилия. – Мы не должны забывать счастливых часов, проведенных вместе. Мы должны постоянно писать друг другу.

Эмили не выдержала.

– О, Сесилия! Оставь меня ради бога, я больше не могу переносить этого.

Гувернантка развела их. Эмили опустилась на стул, с которого только что встала ее подруга.

– Предпочли ли бы вы быть на моем месте? – спросила Франсина после некоторого молчания. – Не имея ни души, любящей вас?

Эмили подняла голову. Франсина стояла возле нее, обрывая листья розы, которая упала из букета Сесилии.

Эмили посмотрела на нее. В глазах мисс де Сор не было ответной доброты, а только мрачная терпеливость, которую грустно было видеть в таком молодом существе.

– Вы с Сесилией будете переписываться, – сказала она. – Я полагаю, что в этом есть некоторое утешение. Когда я уехала с острова, от меня рады были освободиться. Мне сказали: «Телеграфируй, когда благополучно приедешь в школу мисс Лед». Видите, мы так богаты, что издержки на телеграмму в Вест-Индию ничего для нас не значат. Притом телеграмма имеет преимущество над письмом. Ее недолго прочесть. Я, конечно, напишу домой; но они не спешат и я не спешу. Школа закрывается, вы уезжаете в одну сторону, я в другую – и кому какое дело, что будет со мной? Только безобразной старой содержательнице школы, которой платят, чтобы она заботилась обо мне. Желала бы я знать, зачем я все это говорю? Затем ли, что вы нравитесь мне? Не знаю, нравитесь ли вы мне больше, чем я нравлюсь вам. Когда я желала подружиться с вами, вы обошли со мною холодно; я не намерена навязываться вам. Я не особенно вас люблю. И все-таки... Могу я написать вам в Брайтон?

– Как вы можете спрашивать? – ответила Эмили дружелюбно.

– Оставим это «как»! Да или нет, вот все, что мне нужно от вас.

– О, Франсина! Из чего вы созданы? Из плоти и крови? Или из камня и железа? Разумеется, пишите мне – и я буду вам отвечать.

– Благодарю. Вы останетесь здесь под деревьями?

– Да.

– Совсем одна?

– Совсем одна.

– Без всякого дела?

– Я буду думать о Сесилии, – ответила Эмили.

Франсина пристально посмотрела на нее.

– Не говорили ли вы мне вчера, что вы очень бедны? – спросила она.

– Говорила.

– Так бедны, что принуждены зарабатывать на свое пропитание?

– Да.

Франсина опять посмотрела на нее.

– Вы, наверное, не поверите мне, – сказала она, – но я хотела бы быть на вашем месте.

Она отвернулась и направилась к дому.

Не успела Эмили подняться, как к ней подошла служанка и подала визитную карточку с именем сэра Джервиса Редвуда. Под именем было написано карандашом: «Миссис Рук должна проводить мисс Эмили Браун». Путь к новой жизни наконец открылся!

Она подняла глаза от карточки. Служанка ушла. Албан Моррис ждал поодаль – ждал молча, в надежде, что она приметит его.

Глава VIII

Учитель и ученица

Первым побуждением Эмили было уйти от учителя рисования. Через минуту доброе чувство одержало верх. Прощальный разговор с Сесилией оставил влияние, благоприятное для Албана Морриса. Это был день пожеланий и всеобщей разлуки. Может быть, он только пришел проститься. Она подошла подать ему руку. Он остановил ее, указав на карточку сэра Джервиса Редвуда.

– Могу я сказать слово, мисс Эмили, об этой женщине? – спросил он.

– Вы говорите о миссис Рук? Вы знакомы с нею?

– Я совсем ее не знаю. Я встретил ее случайно, когда она шла сюда. Если бы миссис Рук только попросила меня указать ей дорогу к школе, я не беспокоил бы вас в эту минуту. Но она пристала ко мне с разговором и сказала то, что мне кажется, вам надо знать. Вы прежде слышали что-нибудь об экономке сэра Джервиса Редвуда?

– Моя подруга – мисс Сесилия Вайвиль – сказала мне, что она служит в его доме.

– А говорила вам мисс Сесилия, что миссис Рук была знакома с вашим отцом или с кем-нибудь из ваших родных?

– Нет.

Албан размышлял.

– Это естественно, – продолжал он, – что миссис Рук решила узнать о вас. Но вот только почему она спросила меня и о вашем отце?

Интерес Эмили тотчас был возбужден. Она вернулась к стульям.

– Расскажите мне, мистер Моррис, в точности, о чем спрашивала эта женщина.

Албан заметил природную грацию ее движений, когда она подала ему пример и села, заметил легкий румянец на ее лице, вызванный тревожным желанием узнать, что он еще скажет ей. Он невольно любовался ею.

– Вы колеблетесь? – спросила она. – Разве миссис Рук сказала что-нибудь о моем отце, чего я не должна слышать?

– Нет, ничего подобного!

– Вы как будто конфузитесь.

Память учителя вернулась к прошлому – напомнила неуместную страсть его юности и жестокое оскорбление, нанесенное ему. Его гордость расшевелилась. Не делает ли он себя смешным? Пылкое биение сердца почти душило его. Он взял себя в руки и обратился к Эмили с непринужденной вежливостью светского человека.

– Прошу извинения, мисс Эмили. Если бы миссис Рук просто спросила меня, живы ли ваши родители, я приписал бы этот вопрос простому любопытству пустой женщины и ничего не подумал бы об этом. Но она сказала: «Может быть, вы можете сказать мне – жив ли отец мисс Эмили». Тут она остановилась и вдруг переменила вопрос таким образом: «Живы ли родители мисс Эмили?» Возможно, я делаю из мухи слона; но я подумал в то время (и теперь еще думаю), что она имела какую-нибудь особенную причину осведомляться о вашем отце, и не желая по каким-то причинам, чтобы я заметил это, переменила вопрос так, что включила в него и вашу мать. Не находите ли вы это натянутым включением?

– И как вы ответили ей? – спросила Эмили.

– Я не мог доставить ей никаких сведений.

– Позвольте мне сообщить вам эти сведения, мистер Моррис. Я лишилась своих родителей.

– Давно ли умер ваш отец?

– Около четырех лет, – ответила девушка. – Это был самый великодушный человек на свете; миссис Рук, может быть, спросила о нем из признательности. Может быть, он был добр к ней когда-то – и она помнит это с благодарностью. Как вы думаете?

Албан не мог согласиться.

– Чем более я думаю об этом теперь, тем более мне кажется, что она ничего не знает о вашей семейной истории. Скажите, а когда умерла ваша мать?

– Так давно, – ответила Эмили, – что я даже не помню. Я была в младенчестве в то время.

– А между тем, миссис Рук спросила меня – живы ли ваши родители. Одно из двух, – продолжал Албан, – или тут есть какая-нибудь тайна, которую мы не можем надеяться узнать теперь, или миссис Рук говорила наудачу, чтобы узнать: не родня ли вы какому-нибудь мистеру Брауну, которого она когда-то знала.

– Кроме того, – прибавила Эмили, – следует вспомнить, что моя фамилия очень пространенная, и легко можно ошибиться. Мне хотелось бы узнать, точно ли о моем милом отце думала она, когда говорила с вами. Как вы думаете, могу я это узнать?

– Если миссис Рук имеет причины скрывать, я думаю, что вы ничего не узнаете, – если только не озадачите ее чем-нибудь.

– Как вас понять, мистер Моррис?

– Мне пришел в голову один способ, – сказал он. – Нет ли у вас миниатюрного портрета или фотографической карточки вашего отца?

Эмили показала ему красивый медальон с бриллиантовым вензелем, висевший на ее часовой цепочке.

– Здесь его фотографический портрет, – ответила она, – подаренный мне моей старой милой телушкой в то время, как она была богата. Показать его миссис Рук?

– Вне всякого сомнения. И обязательно проследите за ее реакцией.

С нетерпением желая попробовать опыт, Эмили встала:

– Я не должна задерживать миссис Рук.

Албан остановил ее, когда она уходила. Смущение и нерешимость, уже замеченные ею, опять начали показываться в его обращении.

– Мисс Эмили, могу я попросить у вас одолжения? Я не кто иной, как один из учителей, занимающихся в этой школе; но я надеюсь, что не окажусь слишком настойчивым, если предложу свои услуги одной из моих учениц...

Тут уже он совсем смутился. Он презирал себя не только за то, что поддался своей слабости, но что запинаясь, как дурак, выражая свою просьбу. Слова замерли на его губах.

На этот раз Эмили поняла его. Тонкая проницательность, давно уже заставившая ее угадать его тайну, о которой она было забыла во всепоглощающем интересе минуты, теперь вернулась, и она в одно мгновение вспомнила, что предостеречь ее Албана побуждало не одно только дружелюбное участие. Он, очевидно, желал присутствовать при ее свидании с миссис Рук. Почему же и нет? Его короткое знакомство с экономкой – не говоря уже об его опытности – могли быть очень полезны ей в непредвиденном обстоятельстве. Может ли он потом упрекнуть ее в жестоком возбуждении ложных надежд, если она примет его услуги? Не дожидаясь, пока Албан оправится, она спокойно ответила:

– После всего, что вы сказали мне, я буду очень вам обязана, если вы поприсутствуете при моем свидании с миссис Рук.

Пламенный блеск глаз, проблеск счастья, вдруг заставивший его помолодеть, были признаками, в которых нельзя было ошибиться.

Глава IX

Миссис Рук и медальон

Содержательница преуспевающей школы мисс Лед гордилась своей щедростью.

Отцы, матери и друзья воспитанниц, навещавшие эту неординарную особу, уносили с собой самые признательные воспоминания об ее гостеприимстве. Особенно мужчины признавали за ней редкое качество в одинокой женщине – ставить на стол вино, о котором ее гости с признательностью вспоминали на другое утро.

Приятный сюрприз ожидал миссис Рук, когда она вошла в дом радушной мисс Лед.

Приехав в качестве доверенной посланной сэра Джервиса Редвуда, которой поручалась самая умная и самая популярная ученица в школе, миссис Рук нашла самый достойный прием. Задержанная на последней репетиции музыки и декламации, мисс Лед тем не менее предложила посетительнице холодных цыплят, ветчину, фруктовый торт и превосходный херес в графине.

Поднимаясь по лестнице, которая вела в дом, Албан спросил Эмили, не может ли он опять посмотреть на ее медальон.

– Раскрыть? – спросила она.

– Нет, я хочу только взглянуть снаружи.

Он посмотрел ту сторону, где красовался вензель, выложенный бриллиантами. Под вензелем была вырезана надпись.

– Могу я прочесть? – сказал он.

– Конечно.

Надпись гласила: «Дорогой памяти моего отца, умершего 30-го сентября 1877».

– Не можете ли вы так повесить медальон, – попросил Моррис, – чтобы та сторона, на которой бриллианты, была снаружи?

Эмили поняла. Бриллианты могли привлечь внимание миссис Рук, и в таком случае, может быть, она сама попросит взглянуть на медальон.

– Вы уже начинаете быть полезны мне, – сказала Эмили, поворачивая в коридор, который вел в приемную.

Они нашли экономку сэра Джервиса за гостеприимным столом. Живительное влияние вина, усиленное жаркой погодой, виднелось в ее покрасневшем лице.

– Так вот эта милая девица, – сказала экономка, подняв руки с преувеличенным восторгом.

Албан заметил, что произведенное на Эмили впечатление было таким же неблагоприятным. Вошла служанка убрать со стола. Эмили попросила ее в сторону – распорядиться о своих вещах. Хитрые глазки миссис Рук уставились на Албана с выражением коварной проницательности.

– Когда я встретила вас, вы шли в другую сторону, – заметила она. – Я вижу, что привлекло вас назад в школу. Пробежитесь в сердечко этой бедной дурочки, а потом сделаете ее несчастной на всю жизнь! Не к чему мисс, торопиться, – сказала она Эмили, которая в эту минуту вернулась. – Поезда на вашей станции похожи на посещения ангелов, описанные поэтом: «Мало и редко». Не удивляйтесь цитированию. Я много читаю.

– Далеко до дома сэра Джервиса Редвуда? – спросила Эмили, не зная, что и ответить женщине, которая уже сделалась для нее несносной.

– О, мисс Эмили, надеюсь вам не будет скучно в моем обществе. Я могу разговаривать о разных предметах, и очень люблю забавлять хорошенькую молодую девушку. Вы находите меня странным созданием? Уверяю – во мне нет ничего странного. Не начать ли мне забав-

лять вас, прежде чем мы сядем в поезд? Не сказать ли мне вам, каким образом мне досталось мое странное имя?

До сих пор Албан воздерживался. Однако последний образчик наглой фамильярности экономки зашел за границы его терпения.

– Нам совершенно не интересно знать, как вам досталось ваше имя, – перебил он слишком словоохотливую миссис.

– Весьма грубо, – спокойно заметила миссис Рук. – Но в мужчине ничего не удивляет меня.

Она обернулась к Эмили.

– Мой отец и моя мать нечестиво вступили в брак. Они «приняли закон», как говорится, на митинге методистов, в поле. Когда я родилась – моя мать продолжала чудить. Каким именем, вы думаете, она окрестила меня? Она сама его выбрала. Райчос!¹ Райчос Рук! Каково? Назвать так женщину! Когда я пишу письма, я подписываюсь Р. Рук. Пусть думают, что меня зовут Розамонда или Розабель. Надо бы вам видеть лицо моего мужа, когда он в первый раз услышал, что его возлюбленную зовут Райчос! Он хотел поцеловать меня и остановился. Должно быть, его стошнило. Очень натурально!

Албан опять старался остановить поток красноречия.

– В котором часу идет поезд? – спросил он.

Эмили взглядом упростила его воздержаться. Миссис Рук была так любезна, что не обижалась. Она поспешно раскрыла свой дорожный мешок и подала Албану Указатель железных дорог.

– Я слышала, что женщины за границей работают за мужчин, – сказала она, – но мы в Англии, и я англичанка. Узнайте сами, любезный сэр, когда идет поезд.

– Кстати, о мужьях, – продолжала она, – не сделайте той ошибки, милая моя, которую сделала я. Не позволяйте никому уговорить вас выйти за старика. Мистер Рук по летам может быть моим отцом. Конечно, я его выношу. В то же время, как говорят поэты, «Прошло это испытание не без повреждения», – моя душа раздражилась. Я была когда-то женщиной благочестивой, уверяю вас, и заслуживала свое имя. Не приходите в негодование; я лишилась веры и надежды, я сделалась – как теперь называют свободных мыслителей? О! Я от века не отстаю, по милости старой мисс Редвуд. Она выписывает газеты и заставляет меня читать их. Какое же это новое название? Что-то кончающееся на «ик». Бомбастик? Нет. Агностик? Вот именно. Я сделалась агностиком. Неизбежный результат брака со стариком; если это нехорошо, то это вина моего мужа.

– Остается еще час до отхода поезда, – вмешался Албан. – Я уверен, мисс Эмили, что вам было бы приятнее ждать в саду.

– Отлично! – воскликнула несгибаемая миссис Рук. – Пойдемте в сад.

Она, покачнувшись, встала и направилась к двери. Албан воспользовался этим случаем, чтобы шепнуть Эмили:

– Приметили ли вы пустой графин? Эта противная женщина пьяна.

– Пожалуйста, не выпускайте ее, – попросила Эмили, показывая на медальон. – Боюсь, что сад отвлечет ее внимание.

– Проводите меня в цветник, – требовала экономка. – Я не верю ничему, но обожаю цветы.

– Вам покажется слишком жарко в саду, – грубо сказал Албан.

– Что вы скажете, мисс? – поинтересовалась у Эмили несносная гостья.

– Я думаю, что нам будет здесь удобнее.

– Чего желаете вы, того желаю и я!

¹ Правдивая.

Приметила ли миссис Рук медальон? Эмили повернулась к окну, чтобы свет упал на бриллианты.

Нет. Миссис Рук в эту минуту была поглощена своими размышлениями. В отместку за то, что Эмили помешала ей видеть сад, она задумала разочаровать ее. Молодая секретарша сэра Джервиса, без сомнения, с надеждой смотрела на свою будущую жизнь. Миссис Рук решила омрачить этот взгляд коварными намеками, на которые она была мастерица.

– Вам, конечно, любопытно узнать что-нибудь о вашем новом доме? Я ведь еще ни слова не сказала вам. Как это необдуманно с моей стороны. И внутри, и снаружи, милая мисс Эмили, наш дом немножко скучен. Я говорю наш, и почему не сказать, когда все хозяйство лежит на мне! Мы выстроены из камня. Мы слишком длинны и не очень высоки. Стоим мы на самой холодной стороне графства, далеко на западе. Мы недалеко от Чевиотских холмов; и если вы вообразите, что сможете видеть что-нибудь из окна, кроме овец, вы очень ошибаетесь. Если выйдете погулять с одной стороны дома, то вас могут забодать коровы; с другой стороны, если вас на прогулке застанет темнота, вы можете свалиться в брошенную свинцовую копь. Но общество в доме вознаграждает за это все, – продолжала миссис Рук, наслаждаясь смятением, которое начало выражаться на лице Эмили. – Много развлечений для вас, милая, в нашей небольшой семье. Сэр Джервис покажет вам гипсовые слепки отвратительных индейских идолов, он заставит вас писать для него без пощады с утра до вечера; а когда он отпустит вас, старая мисс Редвуд пошлет за хорошенькой молоденькой секретаршей, чтобы та читала ей на ночь. Я уверена, что мой муж понравится вам, он человек почтенный и пользуется высокой репутацией. После идолов, это самый отвратительный предмет в доме. Если вы из доброты поощрите его, он вас позабавит; скажет, например, что никого в жизни не ненавидел так, как ненавидит свою жену. Кстати, я должна – в интересах истины – упомянуть об одном невыгодном обстоятельстве, существующем в нашем домашнем кругу. Когда-нибудь нас застрелят или перережут нам горло. Мать сэра Джервиса завещала ему на десять тысяч фунтов стерлингов драгоценных камней, которые лежат в маленьком шкафчике с ящиками. Он не хочет отдать на сохранение эти вещи банкиру; не хочет продать их; не хочет даже носить хоть один перстень на своем пальце, или хоть одну булавку на манишке. Он держит шкафчик на столе в своей уборной и говорит: «Я люблю любоваться моими вещицами, каждый вечер, перед тем как ложусь спать». На десять тысяч бриллиантов, рубинов, изумрудов, сапфиров, и мало ли еще чего – во власти первого вора, который услышит о них. О, милая моя, уверяю вас, что ему ничего больше не останется, как пустить в ход свои пистолеты. Мы не покоримся воровству. Сэр Джервис наследовал дух своих предков. У моего мужа петушиный нрав. Я сама, для защиты собственности хозяев, способна превратиться в демона. И никто из нас не умеет справляться с огнестрельным оружием!

Пока она с полным наслаждением распространялась об ужасах жизни, предстоявшей Эмили, молодая девушка попробовала стать на другое место, и на этот раз с успехом. Маленькие глазки миссис Рук раскрылись от жадного восторга.

– Что это я вижу на вашей часовой цепочке, мисс? Как блестит! Могу попросить посмотреть поближе?

Пальцы Эмили задрожали; но ей удалось снять медальон с цепочки. Албан подал его миссис Рук.

Сначала та восхитилась бриллиантами – с некоторой сдержанностью.

– Не такие крупные, как бриллианты сэра Джервиса; но, несомненно, отборные. Могу я спросить цену?..

Она замолчала. Надпись привлекла ее внимание. Она начала читать ее вслух:

«Дорогой памяти моего отца, умершего...»

Лицо ее вдруг вытянулось. Слова замерли на ее губах.

Албан воспользовался этим случаем.

– Может быть, вам нелегко прочесть цифры, – сказал он. – Тридцатое сентября тысяча восемьсот семьдесят седьмого года – около четырех лет тому назад.

Ни слова не вырвалось у миссис Рук. Она держала медальон перед собою, точно так, как держала его прежде.

Албан посмотрел на Эмили. Глаза ее были прикованы к экономке, девушка едва могла сохранять спокойствие.

– Может быть, миссис Рук, вы хотите взглянуть на портрет, – продолжал он. – Позвольте я открою медальон.

Не говоря ни слова, не поднимая глаз, экономка подала медальон Албану.

Он раскрыл его и подал ей. Она не приняла. Руки ее лежали на ручках кресла. Он положил медальон на колени к ней.

Портрет не произвел заметного действия на миссис Рук. Она сидела и смотрела – не шевелясь, не говоря ни слова. Албан не имел к ней сострадания.

– Это портрет отца мисс Эмили, – сказал он, – не того ли самого мистера Брауна представляет он, о котором вы думали, когда спросили меня, жив ли еще отец мисс Эмили?

Этот вопрос оживил экономку. Она тотчас подняла глаза и ответила громко и дерзко:

– Нет!

– Однако, – настаивая Албан, – вы перестали читать надпись; и мне показалось, этот портрет произвел на вас странное действие – чтобы не сказать более.

Она смотрела на него пристально, когда он говорил, и обернулась к Эмили, когда он умолк.

– Вы упомянули о жаркой погоде, мисс. Простите! Жар лишил меня сил, я скоро опять оправлюсь.

Наглый вздор этого извинения раздражил Эмили так, что она решилась ответить:

– Вы, может быть, оправитесь скорее, если мы не станем беспокоить вас вопросами и оставим вас одну.

Они оставили ее, не сказав более ни слова.

Глава X

Догадки

– Что нам теперь делать? О, мистер Моррис, вы должны были видеть разных людей в вашей жизни – и я не сомневаюсь, что вы знаете человеческую натуру. Помогите мне вашими советами!

Эмили забыла, что учитель был в нее влюблен, – забыла все, кроме действия, произведенного медальоном на миссис Рук. В жару беспокойства, она взяла за руку Албана так фамильярно, как будто он был ее брат. Он был кроток, внимателен и серьезно старался ее успокоить.

– Мы ничего не сможем сделать, – сказал он, – если прежде не подумаем спокойно. Извините меня, если я скажу, что вы бесполезно волнуетесь.

Для ее волнения была причина, о которой он ничего не знал. Ее воспоминание о ночном разговоре с мисс Джетро неизбежно усилило подозрение, внушаемое ей поведением миссис Рук. В одни сутки Эмили увидела двух женщин, дрожавших от тайных воспоминаний об ее отце.

– Что это значит? – вскрикнула она, смотря на сострадательное лицо Албана. – Что это значит?

– Сядьте, мисс Эмили. Мы постараемся, если можно, вместе доискаться, что это значит.

Они вернулись в тенистое уединение под деревьями. Далеко, перед домом, отдаленный стук экипажей возвещал о прибытии гостей мисс Лед, и о том, что скоро начнутся увеселения и церемонии дня.

– Мы должны помогать друг другу, – продолжал Албан. – Когда мы в первый раз заговорили о миссис Рук, вы упомянули, что мисс Сесилия Вайвиль, знает ее. Не можете ли вы сказать мне, что вы слышали тогда об экономке сэра Редвуда?

Эмили исполнила его просьбу.

Албан теперь узнал, как Эмили получила место секретаря у сэра Джервиса; узнал, что отец Сесилии прежде знал мистера и миссис Рук, содержавших гостиницу по соседству с его домом; и, наконец, выяснил, из-за чего они были принуждены поступить к сэру Джервису в услужение, – страшное убийство придало их гостинице дурную репутацию и прогнало обычных посетителей, от посещения которых зависело их благосостояние.

Албан молчал, когда рассказ Эмили был закончен.

– Разве вы ничего не скажете мне? – спросила она.

– Я думаю о том, что я сейчас слышал, – ответил он.

Эмили заметила некоторую формальность в его тоне и обращении, которая неприятно удивила ее. Он как будто ответил только из вежливости, между тем как думал о чем-то другом, интересном только для него самого.

– Не обманула ли я ваше ожидание в чем-нибудь? – спросила она.

– Напротив, вы заинтересовали меня. Я желаю удостовериться, что помню в точности все сказанное вами. Вы, кажется, упомянули, что ваша дружба с мисс Сесилией Вайвиль началась здесь, в школе?

– Да.

– И говоря об убийстве в деревенской гостинице, вы сказали мне, что преступление было сделано весьма давно?

– Я не знаю, сказала ли я, сколько времени прошло после этого преступления, – ответила Эмили резко. – Какое нам дело до этого убийства? Кажется, Сесилия говорила мне, что оно случилось около четырех лет тому назад. Извините, если я замечу вам, мистер Моррис, – мне кажется, что ваше внимание занято чем-то другим, более для вас интересным. Почему

вы не могли сказать этого прямо, когда мы пришли сюда? Я не просила бы вас помочь мне в таком случае. После смерти моего бедного отца, я привыкла одна бороться с моими затруднениями.

Она встала и гордо посмотрела на него. Потом глаза ее наполнились слезами.

Несмотря на ее сопротивление, Албан взял ее руку.

– Любезная мисс Эмили, – сказал он, – вы огорчаете меня, вы ко мне несправедливы. У меня в уме только ваши интересы. Я думал о единственном вопросе, приводящем в недоумение нас обоих, – и вопрос этот касается миссис Рук.

Ответив ей, он выразился не столь чистосердечно как обыкновенно. Он только сказал ей часть правды.

Услышав, что женщина, которую они сейчас оставили, была хозяйкой гостиницы, и что в ее доме было убийство, он невольно вспомнил воздействие, которое произвела на миссис Рук надпись на медальоне.

Подобная реакция возбудила в его душе подозрение. Оно побуждало узнать, которого числа случилось это убийство, и каким образом умер мистер Браун.

Судя по всему, день смерти мистера Брауна, отмеченный на медальоне, и преступление, сделанное в гостинице, настолько приближались одно к другому, что оправдывали дальнейшие поиски.

– Мы должны довольствоваться догадками, полагаясь на случайную возможность узнать истину, – продолжал Моррис, осторожно приближаясь к цели, которую имел в виду. – Я приведу пример, если вы желаете. Предположим, что эта женщина сделала каким-нибудь образом вред вашему отцу. Справедливо ли я заключаю, что по своему характеру он был способен простить сделанный ему вред?

– Совершенно справедливо!

– В таком случае его смерть могла поставить миссис Рук в недвусмысленное положение – возможно, она боится, что от нее могут потребовать отчета те, кому дорога его память. Я говорю об оставшихся в живых членах его семейства.

– Нас только двое, мистер Моррис, – тетушка и я.

– А его душеприказчики?

– Тетушка была его единственной душеприказчицей.

– Сестра вашего отца, я полагаю?

– Да.

– Он, может быть, оставил ей инструкции, которые могут быть чрезвычайно полезны нам.

– Я напишу сегодня же и узнаю, – ответила Эмили. – Я уже хотела посоветоваться с ней.

– Если ваша тетушка не получила никаких положительных инструкций, – продолжал Албан, – может быть, она вспомнит, не говорил ли ваш отец что-нибудь о миссис Рук.

– Вы не знаете, как умер мой милый отец, – сказала Эмили. – Он скончался скоропостижно, по наружности совершенно здоровый – от болезни сердца.

– Скоропостижно скончался в своем доме?

– Да, в своем доме.

Эти слова закрыли Албану рот. Расспросы не принесли никакой пользы. Он теперь узнал причину и место смерти мистера Брауна.

Глава XI

Признание

– Вы ничего другого не можете посоветовать? – спросила Эмили.

– Пока – ничего.

– Если тетушка нам не поможет, не имеем ли мы другой надежды?

– Я имею надежду на миссис Рук, – ответил Албан. – Я вижу, что удивляю вас; но я, право, думаю, что говорю. Экономка сэра Джервиса женщина впечатлительная и любит вино. У людей такого рода всегда есть в характере слабая сторона. Если мы будем ждать случайности и воспользуемся ею, когда она настанет, мы можем еще успеть побудить ее выдать себя.

Эмили слушала его с изумлением.

– Вы говорите так, как будто я могу быть уверена в вашей помощи и впоследствии. Вы, наверное, забыли, что я сегодня оставляю школу и не вернусь? Через полчаса мне предстоит длинный путь в обществе этой противной женщины – осуждена жить в одном доме с нею! Жалкая перспектива и трудное испытание для мужества девушки – не правда ли, мистер Моррис?

– По крайней мере, у вас будет один человек, мисс Эмили, который постарается всем сердцем и всей душой ободрять вас.

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, – спокойно ответил Албан, – что летние каникулы начинаются сегодня, и что учитель рисования проведет их на Севере.

Эмили вскочила со стула.

– Вы! – воскликнула она. – Вы едете в Нортумберланд со мною?

– Почему бы и нет? – спросил Албан. – Железная дорога открыта для всех путешественников, если у них есть деньги на билет.

– Мистер Моррис, как вы можете об этом думать? Я знаю, что у вас намерение доброе, – вы хороший, великодушный человек. Но вспомните, как девушка в моем положении зависит от наружных приличий. Вы поедете в одном вагоне со мною! А эта женщина гнусно растолкует ваше присутствие и унизит меня перед сэром Джервисом Редвудом в тот самый день, когда я войду в его дом! О, это хуже, чем необдуманно, – это сумасшествие, положительно сумасшествие.

– Вы совершенно правы, – согласился Албан, – это сумасбродно. Я лишился и того небольшого рассудка, который у меня был, мисс Эмили, в тот день, как я встретил вас в первый раз на прогулке с вашими школьными подругами.

Эмили молчала.

– Вы обещали мне сейчас, – сказал он, – никогда не думать обо мне несправедливо. Я уважаю вас и восхищаюсь вами слишком искренно, для того чтобы низко воспользоваться этим случаем – единственным, когда я могу поговорить с вами наедине. Не спешите осуждать человека, которого вы не понимаете. Я не скажу ничего того, что могло бы досадить вам, – я только прошу позволения объясниться.

«Это может кончиться только тем, – подумала Эмили грустно, – что я обману его ожидания!»

– Я много лет имел самое худое мнение о женщинах, – продолжал Албан, – и я могу только сослаться в оправдание на единственную причину, которая в то же время и осуждает меня самого. Со мною гнусно поступила одна женщина; и мое оскорбленное самолюбие стало мстить женщинам. Подождите немножко, мисс Эмили. Моя вина получила надлежащее наказание. Я был вполне унижен.

– Мистер Моррис!

– Пожалуйста, не перебивайте. Несколько лет тому назад, я, к своему несчастью, встретился с кокеткой. Я имел сумасбродство полюбить ее всем сердцем и всей душой. Она не позволяла мне сомневаться – могу сказать это без самонадеянности, вспомнив жалкий конец, – что мое чувство к ней вознаграждалось взаимностью. Ее отец и мать (люди превосходные) одобряли наш брак. Она принимала от меня подарки, позволила довести до конца все обычные приготовления к свадьбе; она не имела даже достаточно сострадания, или стыда, чтобы избавить меня от публичного унижения ждать ее у алтаря в присутствии большого общества. Минуты проходили – а невеста не являлась. Пастора, который ждал так же как и я, попросили вернуться в ризницу. Меня пригласили вместе с ним. Вы, конечно, предвидите конец истории. Моя невеста убежала с другим. Но можете ли вы угадать, кто это был? Ее грум.²

Эмили покраснела от негодования.

– Она пострадала за это! О, мистер Моррис, наверное, она пострадала за это!

– Совсем нет. У нее было довольно денег, чтобы вознаградить грума за то, что он женился на ней, и она легко спустилась до уровня своего мужа. Когда я слышал о них в последний раз, они имели привычку напиваться вместе. Я боюсь, что внушил вам омерзение. Продолжу свою драгоценную автобиографию. В один дождливый день, осенью прошлого года, вы, молодые девицы, пошли с мисс Лед гулять. Когда вы возвращались обратно под зонтиками, не заметили ли вы сердитого человека, стоявшего на дороге и пристально смотревшего на вас?

Эмили улыбнулась.

– Не помню, – сказала она.

– На вас была коричневая жакетка, которая вам шла так, как будто вы в ней родились, – а такой хорошенькой соломенной шляпки я никогда не видел на женской голове. Первый раз примечал я эти вещи. Мне кажется, что я мог бы с памяти нарисовать сапожки, которые на вас были. Вот какое впечатление вы произвели на меня. После того, как я думал искренно, что любовь была одной из потерянных иллюзий в моей жизни – после того, как я чувствовал – искренно чувствовал, что я скорее решусь взглянуть на дьявола, чем на женщину, – вот до какого душевного состояния возмездие довело меня, употребив своим орудием мисс Эмили Браун. О, не бойтесь того, что я теперь скажу! И в вашем присутствии, и без вас, я стыжусь моего сумасбродства. Я сопротивляюсь вашему влиянию надо мною в эту минуту с самой сильной решимостью – решимостью отчаяния. Посмотрим опять на юмористическую сторону моей истории. Что, вы думаете, сделал я, когда полк молодых девиц прошел мимо?

Эмили отказалась угадать.

– Я пошел за вами в школу и под предлогом, будто у меня есть дочь, взял у привратника программу мисс Лед. Надо вам знать, что я приехал в ваши окрестности снимать виды. Я вернулся в гостиницу и серьезно стал соображать, что случилось со мной. Результатом моих размышлений стало решение поехать за границу только для перемены – а вовсе не оттого, что я боялся ослабить впечатление, которое вы произвели на меня! Через некоторое время я вернулся в Англию. Только потому, что мне надоело путешествовать, – совсем не оттого, чтобы ваше влияние влекло меня назад! Прошло еще какое-то время, и, к удивлению, счастье повернулось в мою сторону. Здесь открылось место учителя рисования. Я представил аттестаты и занял это место. Только потому, что жалованье было приятным обеспечением для бедного человека, а совсем не оттого, что это новое положение приближало меня к мисс Эмили Браун! Начинаете ли вы понимать, почему я беспокоил вас всей этой болтовней о себе? Я еду сегодня с вашим поездом только потому, что я чувствую умственное желание видеть самое северное графство в Англии, – а совсем не оттого, что не желаю отпустить

² Грум – слуга, верхом сопровождающий всадника или экипаж.

вас одну с миссис Рук! Сумасшествие? О, да – полное сумасшествие. Но скажите мне: что делают все здравомыслящие люди, когда очутятся в обществе сумасшедшего? Они потакают ему. Позвольте мне взять вам билет, сдать ваши вещи, я только прошу позволения быть в дороге вашим слугой. Если вы горды – я буду ценить вас еще больше в таком случае – заплатите мне и таким образом держите меня на месте, приличном мне.

Некоторые девушки, к которым обратились бы с такой беспечной смесью шуток и серьезности, сконфузились бы; а некоторые были бы польщены. С добродушной решимостью, которая никогда не переходила за границы скромности и утонченности, Эмили ответила Албану Моррису в его же тоне.

– Вы сказали мне, что уважаете меня. Я вам докажу, что верю вам. Со своей стороны я могу, по крайней мере, не перетолковывать вашего намерения. Должна ли я понять, мистер Моррис, – надеюсь, что вы не будете хуже думать обо мне, если я буду говорить откровенно, – должна ли я понять, что вы влюблены в меня?

– Да, мисс Эмили, – если вам угодно.

Он ответил с той оригинальностью, которая была несвойственна ему, но он уже сознавал в себе уныние. Ее спокойствие было дурным признаком – с его точки зрения.

– Конечно, мое время настанет, – продолжала она, – но я ничего не знаю о любви по опыту; я знаю только то, о чем мои подруги говорят между собой по секрету. Судя по тому, что они сказали мне, девушка краснеет, когда любимый ею человек умоляет ее благосклонно принять его чувство. А я разве покраснела? Еще признак любви – как мне сказали – дрожать. А я разве дрожу?

– Нет.

– И разве я конфужусь смотреть на вас?

– Нет.

– Отошла ли я с достоинством – чтобы потом остановиться и бросить робкий взгляд на своего обожателя через плечо?

– Как бы я этого желал!

– Отвечайте мне просто, мистер Моррис, да или нет.

– Разумеется, нет.

– Одним словом, подала ли я вам надежду?

– Одним словом, я себя одурачил, – воскликнул Моррис.

Добродушная веселость ее обращения исчезла. Следующие слова она сказала серьезно и грустно:

– Не лучше ли для вас самих, чтобы мы с вами распрощались? Со временем – когда вы только будете помнить, как вы были добры ко мне, – мы можем встретиться опять. После всего, что вы выстрадали, пожалуйста, не заставьте меня почувствовать, что еще и другая женщина может поступить с вами жестоко и что это бездушное существо – я!

Никогда в жизни не была Эмили так непреодолимо очаровательна, как в эту минуту. На ее лице отразилось искреннее сострадание.

Молча поднес он ее руку к своим губам и побледнел, целуя ее.

– Скажите, что вы согласны со мною! – упрашивала Эмили.

– Я повинуюсь вам.

Отвечая ей, он указал на лужайку под их ногами.

– Посмотрите на этот сухой лист, который ветер гонит по траве. Возможно ли, чтобы такая симпатия, какую вы чувствуете ко мне, такая любовь, какую я чувствую к вам, может пропасть, завянуть и исчезнуть, как этот лист? Я оставляю вас, Эмили, с твердым убеждением, что мы еще встретимся. Что бы ни случилось – я полагаюсь на будущее.

Голос служанки донесся до них из дома.

– Мисс Эмили! Вы в саду?

Эмили вышла на солнечный свет. Служанка поспешила к ней и подала ей телеграмму. Девушка взяла ее с тяжелым предчувствием. Ее небольшой опыт в этом отношении показал ей, что в телеграмме всегда сообщаются дурные известия. Она преодолела свою нерешимость – распечатала – прочла. Краска сбежала с ее лица, она задрожала. Телеграмма упала на траву.

– Прочтите, – сказала Эмили слабым голосом.

Албан поднял и прочел: «Приезжайте в Лондон, мисс Летиция опасно больна».

– Ваша тетка? – спросил он.

– Да – моя тетка.

Книга вторая В Лондоне

Глава XII Миссис Элмазер

Столица Великобритании в некоторых отношениях непохожа ни на какую другую столицу. В народонаселении, наполняющем улицы, крайности богатства и бедности встречаются как нигде. В самих улицах величие и стыд архитектуры – замок и лачуга – находятся друг возле друга. Лондон по своему общественному виду есть город контрастов.

Эмили прямо с железной дороги поехала туда, где потеря состояния принудила укрыться ее тетку. Кеб проехал мимо обширного и прелестного парка, окруженного домами со статуями и куполами, к ряду коттеджей возле вонючей канавы, неправильно названной каналом.

Эмили остановила кеб перед садовой калиткой коттеджа на дальнем конце ряда. Дверь отворила единственная теперь прислуга мисс Летиции – ее горничная.

По наружности это доброе существо принадлежало к числу несчастных женщин, которых природа, по-видимому, намеревалась сделать мужчиной, но передумала в последнюю минуту. Горничная мисс Летиции была высока, долговяза и неуклюжа. При первом взгляде лицо ее как будто состояло из одних костей. Кости виднелись на ее лбу, выдавались на щеках, достигали своего широкого развития в челюстях. Из впалых глаз этой несчастной женщины смотрели с равной строгостью на всех ее ближних суровое упрямство и суровая доброта. Ее хозяйка, которой она служила более четверти столетия, называла ее Бони.³ Она принимала это жестокое прозвание за знак дружеской фамильярности, лестной для служанки. Никому другому не позволялась эта вольность. Для всех, кроме своей хозяйки, она была миссис Элмазер.

– Как здоровье тетушки? – спросила Эмили.

– Плохо.

– Почему мне прежде не дали знать об ее болезни?

– Из любви к вам она не хотела вас огорчать. «Не давайте знать Эмили» – таковы были ее приказания, пока она находилась в памяти.

– Находилась в памяти, Боже мой! – что вы хотите этим сказать?

– Она в горячке – вот что я хочу сказать.

– Я должна сейчас видеть ее. Я не боюсь заразиться.

– Не надо бояться никакой заразы. Но вы все-таки не должны видеть ее.

– Я непременно хочу ее видеть.

– Мисс Эмили, я не слушаюсь вас для вашей же пользы. Кажется, вы должны знать меня настолько, чтобы положиться на меня.

– Я полагаюсь на вас.

– Предоставьте же мою хозяйку мне, а сами ступайте в свою комнату – вам нужно отдохнуть с дороги.

– Я хочу ее видеть! – упрямо твердила Эмили.

³ Костлявая.

– Нельзя, говорю вам! Как вы можете беспокоить мисс Летицию, когда она не может переносить света в своей комнате? Знаете ли какого цвета ее глаза? Красные, словно вареные раки.

При каждом слове этой женщины, недоумение и беспокойство Эмили усиливались.

– Вы сказали мне, что тетушка больна горячкой. А теперь вы говорите о какой-то болезни глаз. Пожалуйста, посторонитесь и пропустите меня к ней.

Миссис Элмазер невозмутимо распорядилась переноской вещей и отпустила кеб.

– Вы, кажется, не верите мне, – вздохнула она. – Хорошо! У нас сейчас находится доктор. Спросите его, пожалуйста.

Она отворила дверь гостиной и ввела Эмили.

– Это племянница хозяйки, сэр. Пожалуйста, попытайтесь задержать ее, а то я не могу.

Доктор Олдей был пожилой румяный человек, вполне освоившийся с атмосферой страданий и горестей. Он заговорил с Эмили так, как будто привык видеть ее большую часть жизни.

– Престранная женщина, – сказал он, когда миссис Элмазер затворила дверь за собой, направившись к хозяйке, – такую упрямцу, кажется, еще не приходилось мне встречать. Но предана, и, несмотря на неловкость, недурная сиделка. Боюсь, что не могу сказать вам ничего хорошего о вашей тетушке. Ревматическая лихорадка, усилившаяся от положения этого дома, выстроенного из глины и возле стоячей воды, последнее время усложнилась горячечным бредом.

– Это дурной признак, сэр?

– Самый худший; он показывает, что болезнь коснулась сердца. Да, ваша тетушка страдает от воспаления глаз, но это не самый важный симптом. Мы можем облегчить боль посредством охлаждающей примочки и темной комнаты. Я часто слышал от нее о вас – особенно после того, когда болезнь приняла серьезный характер. Что вы сказали? Узнает ли она вас, когда вы войдете в ее комнату? Около этого времени обыкновенно начинается бред. Я посмотрю, будет ли спокойный промежуток.

– Кстати, – продолжал он. – Может быть, мне следует объяснить вам, почему я решил послать вам телеграмму. Миссис Элмазер не хотела уведомлять вас о серьезной болезни ее хозяйки. Это обстоятельство, по моему мнению, возложило ответственность на меня. Бред вашей тетушки – я говорю о словах, вырывающихся у нее в этом состоянии, – по-видимому, возбуждает какое-то непонятное чувство в душе ее угрюмой служанки. Она не пустила бы и меня в спальню, если бы могла. Радужно ли приняла вас миссис Элмазер, когда вы приехали?

– Напротив. Мой приезд как будто раздразнил ее.

– Я именно этого и ожидал. Эти верные старые слуги в конце концов всегда злоупотребляют своей верностью. Слыхали вы, что один остроумный поэт – я забыл его имя, он дожил до девяноста лет – сказал о человеке, который был его камердинером более чем полстолетия! «Тридцать лет он был прекраснейшим слугой, остальные тридцать лет он был самым суровым господином». Совершенно справедливо – я мог бы то же самое сказать и о моей экономке. Это интересная история, не правда ли?

История доктора совершенно пропала для Эмили, ее интересовало теперь только одно.

– Моя бедная тетушка всегда меня любила, – сказала она. – Может быть, она узнает меня, если даже не узнает других.

– Возможно, узнает, – ответил доктор. – Но в таких случаях нельзя ничего знать наверняка. Схожу взгляну на мисс Летицию и сообщу вам результат. У вас, верно, есть другие родственники? Нет? Очень прискорбно.

Вернувшись, доктор Олдей объявил:

– Она теперь спокойна. Помните, пожалуйста, что она не может вас видеть из-за воспаленных глаз, и не отдергивайте занавесей у постели. Я заеду завтра утром. Очень при-
скорбно, – повторил он, взяв шляпу и кланяясь.

Эмили прошла узкий коридор, разделявший комнаты, и отворила дверь спальни. Мис-
сис Элмазер встретила ее на пороге.

– Нет, – сказала старая упрямая служанка, – вам сюда нельзя.

Послышался слабый голос мисс Летиции:

– Бони! Кто это?

– Зачем вам знать? – повернулась служанка к больной.

– Кто это?

– Мисс Эмили.

– О! Бедняжка, зачем она приехала? Кто дал ей знать, что я больна?

– Доктор.

– Не входи, Эмили. Это только огорчит тебя, – а мне не принесет пользы. Да благосло-
вит тебя Господь, моя дорогая. Не входи.

– Вот! – сказала миссис Элмазер. – Слышите? Вернитесь в гостиную.

До сих пор жестокая необходимость сдерживать себя делала Эмили молчаливой.
Теперь она могла заговорить.

– Вспомните прежние времена, тетушка, – умоляла она кротко. – Не прогоняйте меня
из вашей комнаты – я приехала ухаживать за вами.

– Я ухаживаю за ней, вернитесь в гостиную, – повторила миссис Элмазер.

Истинная любовь продолжается до конца жизни. Умиравшая смягчилась.

– Бони! Бони! Я не могу быть жестока с Эмили. Пустите ее!

Миссис Элмазер безнадежно настаивала на своем:

– Вы противоречите вашим собственным приказаниям. Вы не знаете, скоро ли опять
начнется ваш бред. Подумайте, мисс Летиция.

Это увещевание не произвело никакого впечатления. Однако высокая, долговязая
фигура миссис Элмазер все еще загораживала дверь.

– Если вы принудите меня, – спокойно сказала Эмили, – я должна буду пойти к доктору
и просить его вмешаться.

– Вы сделаете это? – воскликнула миссис Элмазер.

– Сделаю, – было ответом.

Старая служанка вдруг покорилась с выражением на лице, которое удивило Эмили.
Она ожидала увидеть гнев, но глаза, смотревшие на нее теперь, выражали горечь и страх.

– Я умываю руки, – сказала миссис Элмазер. – Входите и берите на себя последствия.

Глава XIII

Мисс Летиция

Эмили вошла в комнату. Дверь немедленно затворилась за ней. Послышались тяжелые шаги миссис Элмазер, удалявшейся по коридору. Потом захлопнувшаяся дверь в кухню потрясла непрочно выстроенный коттедж. Все смолкло.

Тусклый свет лампы, спрятанной в углу и закрытой темно-зеленым абажуром, позволял видеть кровать с плотно задернутыми занавесями, а возле кровати – столик с лекарственными склянками и рюмками. Единственными вещами на камине были часы, остановленные в угоду раздраженным нервам страдальцы, и открытый футляр с машинкой для впуска капелек в глаза. Запах курительных свечек тяжело висел в воздухе. Для взволнованного воображения Эмили тишина походила на безмолвие смерти. Она, дрожа, подошла к постели.

– Хотите поговорить со мною, тетушка?

– Это ты, Эмили? Кто впустил тебя?

– Вы сказали, что я могу войти. Чувствуете вы жажду? Я вижу на столе лимонад. Подать вам?

– Нет! Если ты раздвинешь занавеси, тыпустишь свет. Мои бедные глаза! Зачем ты здесь, душечка? Почему ты не в школе?

– Теперь каникулы, тетушка. Кроме того, я совсем вышла из школы!

– Вышла из школы? Моя племянница вышла из школы?

Память мисс Летиции сделала усилие, когда она повторила эти слова.

– Да, да; ты попросилась в школу, когда умер твой отец. При жизни отца у тебя всегда была гувернантка. Ты не любила гувернантку?

– Нет, милая тетушка. Я попросилась в школу только потому, что надеялась – перемена поможет мне перенести нашу ужасную потерю. Мне это помогло. Я нашла в школе доброго друга – Сесилию Вайвиль. Вы помните Сесилию?

– Ты куда-то должна была поступить после окончания школы, – сказала тетушка, – и, кажется, протекцию устроила Сесилия. О, душа моя, как жестоко с твоей стороны уезжать к посторонним, когда ты могла жить здесь со мною! – Она замолчала. – К каким посторонним? – вдруг спросила она. – Кажется, это был мужчина? Как его зовут? Имя исчезло. О, мой рассудок. Неужели смерть овладела моим рассудком прежде моего тела?

– Тише! Тише! Я скажу вам имя, тетушка! Сэр Джервис Редвуд.

– Я не знаю его. Я не хочу его знать. Ты думаешь, что он пришлет за тобой? Может быть, он уже прислал. Я этого не позволю! Ты не поедешь!

– Не волнуйтесь. Я отказалась ехать. Я хочу остаться здесь с вами.

– Он послал за тобой? – упрямо спросила тетушка.

Эмили опять ответила, старательно выбирая выражения, для того чтобы успокоить ее. Попытка оказалась бесполезной, хуже того – возбудила ее подозрения.

– Я не хочу, чтобы меня обманывали! – всхлипнула старушка. – Я хочу знать все. Он послал за тобой. Кого он послал?

– Свою экономку.

– Как ее зовут?

Тон, которым мисс Летиция задала этот вопрос, показывал волнение, дошедшее до крайней степени.

– Разве ты не знаешь, что я любопытна насчет имен? – настаивала она. – Зачем ты раздражаешь меня? Кто она?

– Вы ее не знаете, и нечего вам интересоваться ею, милая тетушка. Ее зовут миссис Рук.

Немедленно последовал неожиданный результат. Раздался хохот – тот ужасный хохот, который можно слышать от сумасшедших. Он вдруг кончился унылым вздохом. Боясь взглянуть на больную, Эмили сказала, сама не зная, что делать:

– Не желаете ли вы чего-нибудь? Не позвать ли...

Голос мисс Летиции прервал ее. По-видимому, она начала бредить.

– Миссис Рук? Что за важность миссис Рук? Да ее муж также? Бони, Бони, ты пугаешься из-за пустяков. Где же опасность, чтобы эти двое вдруг нашлись? Знаешь ли ты, как далеко эта деревня? О, глупая – за сто миль и еще больше. Что за нужда до коронера. Коронер должен оставаться в своем собственном округе – да и присяжные также. Рискованный обман? Я называю это благочестивым обманом. А у меня совесть щекоотливая и ум образованный. Газеты? Что мне за нужда, если она увидит газеты! Она, может быть, и не прочтет – а если и прочтет, то не будет ничего подозревать. Бедная, старая Бони! Честное слово, вы приносите мне пользу – вы меня смешите.

В беспомощном бреде мисс Летиция, видимо, открывала что-то случившееся в ее прошлой жизни и сообщенное верной служанке. Все это были тайны, оставлявшие Эмили в полном неведении. Она поняла одно: ее тетка знала миссис Рук.

Эмили робко взяла за руку мисс Летицию. Прикосновение к пылающей руке испугало девушку. Она повернулась к двери позвать служанку – голос утихнувшей было тетки заставил ее торопливо вернуться к постели.

– Вы здесь, Бони? – спрашивал голос.

Не вернулся ли к больной рассудок? Эмили попробовала дать прямой ответ.

– Возле вас ваша племянница. Позвать мне служанку?

Однако мисс Летиция была далеко от Эмили и настоящего времени.

– Служанку? Все служанки кроме вас, Бони, отосланы. Лондон – настоящее место для нас. В Лондоне нет болтливых слуг и любопытных соседей. В Лондоне надо схоронить ужасную истину. Ах! Вы справедливо можете говорить, что у меня тревожный и несчастный вид. Я ненавижу обман – а между тем обманывать надо. Зачем вы не помогаете мне? Зачем вы не узнаете, где живет эта гадкая женщина? Только пустите меня к ней – и я пристыжу Серу.

Сердце Эмили сильно забилося, когда она услышала имя женщины. Серой звали мисс Джетро. Не на обесславленную ли учительницу намекала ее тетка?

– Сера – это имя! – невольно воскликнула Эмили. – А как фамилия этой женщины?

Тотчас раздалось быстрое бормотание.

– Нет! Нет! Он слишком хитер для вас, слишком хитер и для меня. Он не разбрасывает своих писем. Он уничтожает их. Я, кажется, сказала, что он слишком для нас хитер? Это неправда. Мы слишком для него хитры. Кто нашел клочки его письма в корзинке? Кто сложил их вместе? А, мы знаем! Не читайте, Бони, «милая мисс Джетро», не читайте «мисс Джетро» в его письме; и «Сера», когда он шепчется сам с собой в саду. О! Кто поверил бы этому, если бы мы не видели и не слышали сами!

Эмили еще больше насторожилась. Кто был тот человек, о котором тетка говорила с такой горечью и сожалением?

– О, какая у меня жажда, – бормотал ослабевающий голос, – какая жажда!

Эмили все-таки раздвинула занавеси. При слабом свете лампы она могла различить зеленый зонтик на глазах мисс Летиции, впалые щеки, руки, беспомощно лежавшие на одеяле.

– О, тетушка, неужели вы не узнаете моего голоса? Неужели вы не узнаете Эмили? Позвольте мне поцеловать вас, дорогая.

Бесполезно было упрашивать, бесполезно целовать, тетка только повторяла:

– Такая жажда! Такая жажда!

Эмили с терпеливой осторожностью поднесла стакан к губам тетки. Та выпила лимонад до последней капли. Освежившись, больная вновь заговорила с воображаемой служанкой.

– Ради Бога, будьте осторожны в ваших ответах, если она станет расспрашивать вас. Если бы она знала то, что знаем мы! Знают ли мужчины стыд? Ах! Гадкая женщина! Гадкая женщина!

Ее голос, постепенно ослабевая, понизился до шепота. Следующие слова ее были произнесены невнятно. Мало-помалу, фальшивая энергия лихорадки исчезла. Больная лежала молча и тихо. Смотреть на нее было теперь все равно что на мертвую. Эмили поцеловала ее – задернула занавеси – и позвонила.

Миссис Элмазер не пришла. Эмили пошла позвать ее.

Дойдя до кухонной лестницы, она заметила небольшую перемену. Дверь внизу, которая захлопнулась, когда она вошла в комнату тетки, теперь стояла отворенная. Эмили позвала миссис Элмазер.

Ей ответил незнакомый голос. Он был тих и вежлив, представляя самый сильный контраст с жестким тоном угрюмой горничной мисс Летиции.

– Что я могу сделать для вас, мисс?

Полная, пригожая женщина средних лет, задавшая этот вежливый вопрос, показалась внизу лестницы. Она взглянула на молодую девушку с приятной улыбкой.

– Извините, – сказала Эмили, – я не имела намерения беспокоить вас. Я звала миссис Элмазер.

Незнакомая женщина поднялась на несколько ступеней и ответила:

– Миссис Элмазер здесь нет.

– Вы не знаете, скоро она вернется?

– Извините меня, мисс, она совсем не вернется.

– Вы хотите сказать, что она совсем ушла из дома?

– Да, мисс. Она ушла из дома.

Глава XIV

Миссис Мози

– Можете вы это объяснить? – начала Эмили.

– Нет, мисс.

– Могу я спросить, по приглашению миссис Элмазер пришли вы сюда?

– По ее просьбе, мисс, – кивнула женщина. – Меня зовут Элизабет Мози. Доктор Олдей поручится за мою репутацию и опытность как сиделки. Если вам угодно, есть еще другие рекомендации...

– Этого не нужно, миссис Мози.

– Хорошо. Тогда позвольте продолжить. Я была дома сегодня, когда миссис Элмазер пришла ко мне на квартиру. «Я пришла, Элизабет, попросить вас сделать мне одолжение ради нашей старой дружбы». А я ей говорю: «Милая моя, пожалуйста, распоряжайтесь мною». Если это покажется вам немножко опрометчивым ответом, я попрошу вас понять, что миссис Элмазер сослалась на нашу с ней старую дружбу – намекнув этим на моего покойного мужа и на дело, которым мы занимались в то время. Не по нашей вине мы попали в затруднительные обстоятельства. Люди, на которых мы положились, оказались недостойными. Чтобы не беспокоить вас подробностями, я могу сказать только, что мы разорились бы, если бы наш старый друг, миссис Элмазер, не отдала нам все, что накопила. Деньги были выплачены ей еще при жизни моего мужа. Поэтому, как вы понимаете, я готова сделать все, чего потребует от меня миссис Элмазер. Если я поставила себя в неловкое положение – а я не опровергаю подобного обстоятельства – вот единственное извинение, мисс, какое я могу представить.

Миссис Мози была очень говорлива и очень любила слушать свой чрезвычайно убедительный голос. Если исключить эти небольшие недостатки, то впечатление, производимое ею, было приятным; и как опрометчиво ни поступила бы она, побудившие ее причины были безукоризненны.

– Миссис Элмазер не сказала вам, по какой причине она оставила мою тетку в такое время? – спросила Эмили.

– Я спросила ее об этом, мисс.

– А что она вам ответила?

– Она заплакала – а этого не случилось с нею никогда, хотя я знаю ее двадцать лет.

– И она просила занять ее место здесь?

– Точно так, – ответила миссис Мози. – Я очень удивилась. Дело в том, что она женщина суровая на словах и в обращении. Но в ней больше чувства, чем вы предполагаете. «Если вы такой добрый друг, как я вас считаю, – сказала она, – не спрашивайте меня о причинах; я делаю это поневоле и с тяжелым сердцем». На моем месте, мисс, стали бы вы настаивать, чтобы она объяснилась после этого? Одно, конечно, пожелала я узнать – могу ли я поговорить с какой-нибудь дамой, которая здесь распоряжается, прежде чем приду. Миссис Элмазер поняла, что обязана помочь мне в этом. Она назвала вас.

– Как она говорила обо мне? Серdito?

– Нет – напротив. Она сказала: «Вы найдете в коттедже мисс Эмили, племянницу мисс Летиции. Ее любят все».

– Она точно сказала это?

– Ее собственные слова. И кроме того, она поручила мне сказать вам вот это: «Если мисс Эмили удивится, передайте ей мои добрые пожелания и скажите ей, чтобы она вспомнила, что я ей сказала, когда она заняла мое место у постели тетки». Я не осмеливаюсь спросить, что это значит, – прибавила миссис Мози. – Я передаю поручение, мисс, как оно было передано мне. Потом миссис Элмазер пошла своей дорогой, а я своей.

– Вы знаете, куда она пошла?

– Нет, мисс.

– Вы ничего не имеете более сказать мне?

– Ничего, кроме того, что она, разумеется, растолковала мне, как надо ухаживать за больной. Я все записала.

Эмили повела миссис Мози в комнату тетки.

Мисс Летиция молчала, когда новая сиделка тихо раздвинула занавеси – взглянуть на больную – и опять их задернула. Посмотрев на часы, миссис Мози прочитала записанные указания, взглянула на склянки на столе и отставила одну, чтобы дать лекарство в назначенное время.

– Пока нам нечего опасаться, – шепнула она, – вы ужасно бледны и утомлены, мисс, могу я посоветовать вам немножко отдохнуть?

– Если будет какая-нибудь перемена, миссис Мози, к лучшему или худшему – разумеется, вы дадите мне знать?

– Непременно, мисс.

Эмили вернулась в гостиную, не отдыхать (после того, что она слышала), а думать.

Некоторые простые заключения представились ее уму.

После того, что доктор уже сказал Эмили о бреде, поступок миссис Элмазер становился понятен, он доказывал, что служанка знала – в бреду хозяйка может выдать некую тайну. Поведение служанки объясняло, зачем она скрыла от племянницы болезнь мисс Летиции, зачем не хотела пускать Эмили в спальню. То, что случилось потом – то есть внезапное бегство миссис Элмазер, – вело к следующему заключению.

Верная служанка оставила свою хозяйку, которую любила и которой служила, умирающую от мучительной болезни – и поставила вместо себя другую женщину, не заботясь о том, что эта женщина может узнать, слушая бред больной. Миссис Элмазер сбежала – только бы не видеть Эмили, после того, как девушка услышит слова помутившейся рассудком тетки.

В каком расположении духа миссис Элмазер решила на этот отчаянный поступок? Употребляя ее собственное выражение, она оставила мисс Летицию «с тяжелым сердцем». Она бросила мисс Эмили, связанная тем не менее искренними чувствами привязанности и уважения к девушке. Эта женщина чего-то боялась – кто теперь мог в этом сомневаться? Боялась, что открытие угрожает душевному спокойствию Эмили. Сомневаться было нельзя – невинную племянницу обманывали до сих пор и тетка, и горничная. Они скрывали от нее какую-то тайну.

Письменный стол бедной мисс Летиции стоял у окна в гостиной. Не желая предаваться мыслям, которые могут довести ее до недоверия к умирающей, Эмили стала отыскивать какое-нибудь занятие, которое могло бы поглотить все ее внимание. Письменный стол напомнил ей, что ей надо написать Сесилии. Верная приятельница, конечно, имела право узнать, почему Эмили не поехала к сэру Джервису Редвуду.

Упомянув о телеграмме, которая была получена в школе после приезда миссис Рук, Эмили продолжала свое письмо:

«Как только я несколько опомнилась, я сообщила миссис Рук о серьезной болезни своей тетки. Хотя она осторожно ограничилась пошлыми выражениями сочувствия, я могла видеть, что для нас обеих было облегчением не ехать вместе. Признаюсь, я почувствовала отвращение к миссис Рук. Впрочем, вы несколько не виноваты в том неблагоприятном впечатлении, которое она произвела на меня. Я все объясню, когда мы увидимся. А пока я скажу вам только, что я дала ей письмо с объяснением к сэру Джервису Редвуду. Я также сообщила ему свой адрес в Лондоне с просьбой, чтобы он переслал мне ваше письмо, если вы напишете мне до получения этих строк.

Добрый мистер Албан Моррис проводил меня до поезда и поручил кондуктору присматривать за мной. Мы считали Албана Морриса бездушным человеком. Мы ошибались. Не знаю, где он проведет летние каникулы. Куда бы он ни поехал, я помню его доброту и желаю ему всего лучшего.

Милая моя, я не должна портить ваше удовольствие в Энгадине и не стану описывать подробности своего горя. Вы знаете, как я люблю тетку и как я всегда была признательна ей за ее материнскую доброту ко мне. Доктор не скрывает правды. В ее лета надежды быть не может. Последняя родственница моего отца, мой единственный дорогой друг умирает! Нет! Я не должна забывать, что у меня есть другой друг – я должна находить утешение, думая о вас. Я с таким нетерпением жду в моем одиночестве письма от моей милой Сесилии! Никто не навещает меня, когда я так нуждаюсь в сочувствии. Я чужая в этом обширном городе. Родственники моей матери живут в Австралии, они даже ни разу не написали мне все те длинные годы, которые прошли после ее смерти. Прощайте, моя дорогая. Когда я мысленно представляю перед собой ваше милое личико, я не отчаиваюсь в будущем, предстоящем мне, – как оно ни мрачно теперь».

Эмили запечатала, адресовала письмо и встала с кресла, когда услышала голос новой служанки в дверях.

Глава XV

Эмили

– Могу я говорить с вами? – спрашивала миссис Мози.

Она вошла в комнату бледная и дрожащая. Увидев эту зловещую перемену в новой горничной, Эмили опять опустилась в кресло.

– Умерла? – спросила она слабым голосом.

Миссис Мози посмотрела на нее с удивлением.

– Я желала сказать, мисс, что ваша тетушка напугала меня.

Даже этого неопределенного намека было достаточно для Эмили.

– Вам не нужно больше говорить, – ответила Эмили. – Я знаю, что рассудок тетушки расстроен горячкой.

Однако миссис Мози все-таки продолжила:

– Ходила я за многими горячечными больными. От многих слышала я странные вещи. Но никогда, мисс, никогда в жизни...

– Не говорите мне об этом! – повторила Эмили.

– О! Я должна сказать! Для вашей же собственной пользы, мисс Эмили – для вашей собственной пользы. Я не так бесчеловечна, чтобы бросить вас одну в доме на ночь; но если этот бред продолжится, я должна просить вас взять другую сиделку. Миссис Элмазер предупредила меня, что ваша тетушка не в себе и что угодно может наговорить. Но она не приготовила меня к тому ужасу, который я слышу беспрестанно у ее постели; и этот ужас – убийство!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.